

Алексей Власюк

Кольские записки

Здесь опубликованы мои заметки о путешествии на Кольский полуостров в 2007 году. Начну с краткого описания снаряжения, поскольку этот вопрос интересует многих. Выбор снаряжения для Севера имеет свои особенности, да, к тому же, необходимость некоторых вещей понимаешь только с опытом.

Если я привожу название конкретной модели, то отнюдь не как рекламу данного товара, а лишь для того, чтобы дать ориентир при поиске аналогичной модели.

Рюкзак Red Fox Lhotse 120

У меня был в наличии Low Alpine-овский рюкзак с заявленной емкостью 90 литров – но где там эти 90 литров я, честно говоря, не понял: упаковав внутрь баллон катамарана, спальник и палатку я обнаружил, что место кончилось; на полу же по-прежнему громоздилась огромная гора вещей. В результате, в утро перед отъездом мне пришлось ехать на спортивный рынок, чтобы приобрести рюкзак повместительней.

Наконец-то я на практике смог подтвердить мысль, что для длительных автономных походов самыми оптимальными являются огромные рюкзаки. Рюкзак покорило наличие вместительных боковых карманов, в которые очень удобно класть сапоги, а также всякие вещи, когда рюкзак лежит на катамаране.

Резиновые сапоги – это вообще такая вещь, которую, как я убедился еще на Урале, ни в коем случае нельзя приторачивать к рюкзаку снаружи. При ходьбе они ведут себя как какие-то огромные резиновые черви, сжимаясь и разжимаясь и стремясь вылезти из под удерживающих их завязок. В результате, ты уже не идешь спокойно, а все время смотришь, не потерял ли ты сапоги. Так что сапоги должны обязательно быть внутри. Да что сапоги! В этот рюкзак я сумел упаковать абсолютно всё: и пол-катамарана, и спальник, и палатку, и пенку, и даже весла! И был крайне этим доволен. Ничего не надо приторачивать, не надо каждый день возиться с многочисленными завязочками, ничего не мокнет.

Помимо гигантского объема (в данном случае, он даже больше заявленного, так как карманы не учитывались – реально можно набить до 140 литров!) рюкзак имеет следующие достоинства: добротная, прочная ткань (кордура) – за весь поход нигде не порвалась. Реально крепкие ляжки (не будем забывать, что вес рюкзака в начале составлял 46 кг). Наличие вставных пластин жесткости по «спине» и строп по дну.

Недостаток, увы, традиционный для отечественных рюкзаков: слишком узкий диапазон регулировки высоты лямок. Хотелось бы иметь возможность поднять рюкзак еще выше. Видимо, проблему можно решить перешиванием.

Кроме того (довольно большое упущение конструкторов) – отсутствует ручка для переноски на внешней стороне. Ведь при перемещениях в городе рюкзак постоянно приходится таскать ненадетый, и, если он тяжелый, чтобы он не заваливался на спину, нужно обязательно за что-то хвататься сзади. Правда, эту проблему я решил, привязав стропу к имеющимся на рюкзаке петлям.

Куртка

Наконец-то появилась возможность испытать преимущества такни «Гортекс» на Севере. Могу сказать, что для летних северных походов гортексовская куртка – действительно незаменимая вещь. Дело здесь в столь характерных для северного лета резких перепадах температуры. Солнце на Севере жаркое – выглянуло, и сразу 25 градусов и под тяжелым рюкзаком ты купаешься в поту. При этом, снять куртку или расстегнуться ты не можешь – комары и мошка тут же разожрут в мясо. Поэтому, куртка должна быть тонкой, «дышать» и при этом не прокусываться комарами. Через полчаса набежали тучи, температура упала до 12 градусов, задул ветер и пошел дождь – ты трясешься от холода. В этих условиях достаточно поддеть свитер – «Гортекс» обеспечивает вентиляцию и полную непромокаемость.

Теплая куртка, в результате, вообще оказывается не нужна.

Не покупившись на расходы, я купил однослойную Millet Aerial Max и остался ей крайне доволен. Это лучшая походная куртка, которая у меня когда-либо была. Мембрана изнутри имеет защитное покрытие. Ткань очень прочная, хорошо растягивается – за весь поход нигде не порвалась (учитывая постоянное лазанье по кустам, это действительно дорогого стоит, – лишь начала чуть-чуть пушиться на рукавах). Удобнейший капюшон, плотно закрывающий голову, но никогда не налезавший на глаза (ведь можно же сделать, а?) Поистине бездонные карманы, в которые я на ходу собирал грибы. Надежная молния.

Единственный недостаток – на плечах, где ткань от лямок рюкзака сильно натягивается, комары все-таки прокусывают. Как они умудряются кусать через мембрану, для меня загадка. Впрочем, кольские комары прокусывают даже через штаны-серебрянки. Таким образом, проблема идеальной куртки для Севера по-прежнему остается открытой. Решена она, видимо, может быть путем кустарной доработки, приклеиванием или пришиванием изнутри в районе плеч абсолютно непрокушиваемого материала.

Штаны

Основные – ничего особенного. Обычные тренировочные из плотного полартека за 600 руб. То, что доктор прописал. Прочные, свободные, теплые, комары не прокусывают. Больше просто ничего не нужно.

Дополнительные – серебрянки (из тонкой синтетической ткани, посеребренные изнутри для сохранения тепла). В дождь, а также при ходьбе по мокрой траве и кустам, одеваются поверх тренировочных, и, в комплекте с гортексовской курткой, обеспечивают отличную непромокаемость. Сухие штаны, в дождь, скажу я вам, это великое дело. «Держи ноги в тепле, а голову в холоде», – как говаривал Суворов. Прав ведь был. Чувствуешь себя настолько лучше, что словами не передать. Просто не понимаю, зачем я раньше позволял штанам мокнуть.

Обувь

Во второй раз убеждаюсь, что самая практичная обувь для Севера – резиновые сапоги-болотники. Прошел в них практически все расстояние по Кейвам, да и на катамаране плыл в них. Да, они весят. Да, бывает жарковато. Но, все равно, это лучше, чем с постоянно мокрыми ногами. Кроссовки с собой брал, но ходил в них, в основном, по поселкам.

Необходимость использования портянок в последнее время вызывает у меня серьезные сомнения. В этот раз, во всяком случае, я ими практически не пользовался, хотя было пройдено пешком серьезное расстояние. Лучше взять дополнительные две пары шерстяных носок – протерлись, выбрасываешь. Ноги в шерстяных носках натираются меньше. Ну, и обычные носки, естественно, для жаркой погоды.

Спальник

На Севере по ночам бывает реально холодно даже летом, особенно в горах. Теплый спальник – одно из важнейших условий комфорта в путешествии. Ночью вы должны действительно отдыхать, а не лежать в позе эмбриона, трясясь от холода. И здесь в этот раз я не прогадал. С собой у меня был Salewa Snowfox Alpinextrem, естественно, синтетика. Заявленная температура комфорта у этого спальника – от +6 до -17. Друзья крутили пальцем у виска. Шутка состоит в том, что уже 20 июля в Кейвах я спал в этом спальнике застегнутый – и жарко не было. Ночные заморозки плюс высокая влажность – вот спальник уже и не кажется слишком теплым. Кроме того – у данного спальника мембранная наружная ткань (не «Гортекс», но что-то вроде этого). В результате, под действием тепла тела он выталкивает воду наружу – даже мокрый, высыхает на тебе буквально за два часа. Очень мягкая, приятная на ощупь внутренняя ткань. Опять-таки, лучший спальник, что у меня когда-нибудь был.

Недостатки: конечно, большой объем и вес (2,7 кг). Впрочем, объем я использовал, подкладывая спальник под себя, сидя на катамаране.

Пенка

Я взял не очень толстую полиуретановую пенку, которая складывается, как книжка и убирается к спине рюкзака. Немного жестковато, но по теплу в комплекте с нормальным спальником она меня вполне удовлетворила.

Фонарь

Полярный день, конечно, полярным днем, но уже в конце июля в домиках по ночам делается темновато, а уж в середине августа начинает становиться по-настоящему темно. Брал с собой наголовный фонарь Black Diamond на 4-х светодиодах и 3-х батарейках АА. Батарейки один раз пришлось сменить.

GPS

Garmin GPS72 – вроде, проверенная модель, тем не менее, мы уже второй раз наблюдаем странный глюк: иногда, прибор по необъяснимой причине просто отказывается включаться. Это не один и тот же аппарат – в прошлый раз подобное наблюдалось с другим, той же модели. Батарейки меняли – не помогает. Потом, вдруг, опять стал включаться. Честно говоря, это напрягает. Остаться без GPS всегда неприятно.

Палатка

Обычная, трехместная (на двоих, чтобы было просторно). Естественно, с водонепроницаемостью тента должно быть все в порядке. Важны большие табмуры с обеих сторон, чтобы было куда прятать рюкзаки. Брали с собой два метра запасной

молнии и собачки к ней. В условиях таких комаров и мошки, если порвется молния у палатки, вы не сможете нормально спать и вам настанет песец.

Карты

Покупные 2-х километровки. В интернете нормальных карт Кольского мы не нашли.

Средства от гнуса

Во-первых, 40 таблеток фумитокса (обычные, синие), чтобы подпаливая их зажигалкой травить комаров в палатке и в домиках. Проблему комаров в домиках, правда, они полностью не решают – комары лезут буквально в любую щель и через полчаса не дают тебе спать опять. Местные используют антикомариные спирали, у которых подпаливается один конец, и которые горят всю ночь.

Репелленты. Я использовал Gardex – Extreme (в красных баллонах) и зеленые карандаши-мазилки. И то и другое работает очень хорошо, особенно баллончики. Карандашом просто нужно мазаться тщательно и вдумчиво. Репеллент реально держится часа три, комары не садятся, причем, даже если ты жутко потеешь. Следует учесть, что речь идет не об условиях, когда два или три комара, а когда они буквально облепляют. В принципе, если не экономить репеллент, то можно даже в самые комары ходить без сетки – я пробовал первые несколько дней – вполне нормально. Но лучше, все-таки, экономить – кончается он довольно быстро. На двоих мы брали шесть баллончиков репеллента (по 50 мл) и 4 карандаша. Едва хватило. На Кольском гнус не сходит до конца августа, и это действительно ужасно. Побывавшие на Кольском жалуются на большое количество мошки. Это чистая правда – мошки там действительно тучи и она разнообразная: есть и крупная, и мелкая. В этих условиях обязательно нужны баллончики, чтобы сбрызгивать накомарник.

Единственный недостаток – в дождь, когда мокнет лицо, репеллент начинает стекать со лба и невыносимо дерет глаза.

Катамаран

Обычные резиновые баллоны в «шкуре». Вес каждого баллона – 6 килограмм. Надували ртом. Каркас собирается на месте из подручных материалов. Мы использовали найденные доски и березовые жерди. Связывание – длинными резинками, вырезанными из автомобильных камер. Резина, в отличие от веревок, дает очень прочное соединение и не разбалтывается. Этих резинок нужно брать много, с большим запасом – их вечно не хватает. Для привязывания каркаса к петлям на баллонах – синтетическая бечевка.

Пара алюминиевых разборных весел.

Насколько катамаран пригоден для плавания по Поною – отдельная тема. Вообще говоря, мы рассчитывали на несколько более быструю реку и сложные пороги. Реальность состоит в том, что подавляющее большинство порогов на Поное – простейшие и, видимо, вполне проходимы на резиновой лодке, а сама река в большинстве мест широкая и спокойная, как канал им. Москвы; так что мы почти всю дорогу гребли. Грести на катамаране не очень. Это ведь судно без киля, очень верткое. Из-за этого у него все время заносит задницу, и ты плывешь весьма странными

траекториями. В общем, за чувство уверенности на порогах мы заплатили месяцем довольно утомительной гребли.

Естественно, все здесь не перечисляю. Из других важных предметов следует упомянуть:

- нож, причем из хорошей стали и легкий, обязательно с ножнами;
- накомарник;
- маленький рюкзачок. Очень удобен для небольших кольцевых маршрутов, а также нести рыбу, возвращаясь с рыбалки;
- спиннинг. Небольшой и легкий. Плюс крючки, блесны, леска;
- ремонтный набор. Нитки, иголки, клей, и все такое прочее; аптечка;
- два котелка (один для каши, другой для чая);
- легкая тефлоновая сковородка, жарить грибы и рыбу (без металла, тефлоновый поддон для духовки);
- очень желателен небольшой гермомешок, убирать документы, карты и другие ценные вещи.

Концепция нашего путешествия была, пожалуй, достаточно смелой: это было, так сказать, путешествие «три в одном»: во-первых, мы планировали побывать в Кейвах – возвышенности в центральной и восточной частях Кольского полуострова, затем сплавиться по реке Поной, и, наконец, завершить путешествие осмотром Терского берега моря. Хватит ли у нас времени мы не знали: в итоге его действительно несколько не хватило, и пребывание на Терском берегу получилось сокращенным. Впрочем, оказавшись в этих потрясающих местах мы поняли, что берег Баренцева и Белого моря заслуживает отдельного похода, продолжительностью, так, месяца два.

Кейвы – горы невысокие (максимальная высота составляет 360-390 метров), однако там есть, что посмотреть. Если другие горы Кольского полуострова – Хибинны – считает своим догом посетить каждый, кто ходит с рюкзаком за спиной, Кейвы незаслуженно обделены вниманием туристов. Основная причина этого – труднодоступность. С Кейвами не существует регулярного транспортного сообщения и наиболее распространенный путь туда – из города Апатиты – занимает либо неделю довольно тяжелого пути пешком, либо, уж, как повезет, если пользоваться попутным транспортом.

В Кейвы существует старая дорога от поселка Октябрьский, проложенная еще зеками (так называемая 509-я стройка) – как ни странно, она до сих пор находится в довольно приличном состоянии. Транспорт по ней ходит: ездят геологи, ездят рыбаки. Однако, расписания движения, конечно, никакого не существует – и путь на грузовиках и вездеходах, если не повезет, может занять недели две. Мы с Димой уже привычны к передвижению с тяжеленными рюкзаками, так что мы решили никого не ждать и пошли пешком.

Поной, река протекающая через значительную часть полуострова, достаточно удачный маршрут, чтобы начать знакомство с Кольским. К сожалению, передвижению по Поною сопутствует ряд трудностей. Во-первых, это пограничная зона на берегу Белого моря, которую то снимают, то назначают вновь. Во-вторых, Поной – это сёмужья река, что обеспечивает неизбежные трудности с рыбинспекцией и ГИМСом. Перечисленные факторы, а также трудная заброска, не позволяют Поною

стать популярным водным маршрутом: например, этим летом, по словам местных, реку посетило всего около четырех туристических групп.

Однако, в этом, несомненно, есть свои плюсы. Мы с Димой любим безлюдные места. Если вы хотите на пару недель почувствовать себя словно на другой планете, где нет ни одного человека – то добро пожаловать в Кейвы. Да и на Поное времянами чувствуешь себя в абсолютной глуши. В общем-то не так уж и много их осталось, таких мест: относительно доступных (не Якутия какая-нибудь), где было бы так мало народу.

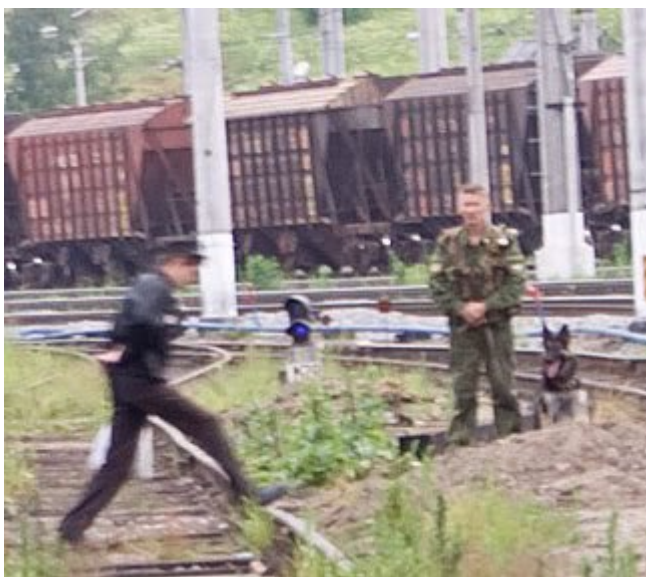
День 2-й, 6 июля, пятница



Рюкзак-монстр*

Поезд, в котором мы едем, имеет прицепленный к нему зековский вагон. На станциях Петрозаводск и Медвежья Горка к поезду подъезжает бронированная милицейская машина с включенными мигалками, по сторонам идут милиционеры с автоматами в руках. Сам процесс высадки зеков сфотографировать не удалось – запрещают снимать, так что получилось фото только издали.

* Здесь и далее все фотографии © Дмитрий Арбузов. Любое использование возможно только с предварительного разрешения автора.



Мы сидим в поезде, изнывая от жары и скуки и тянем апельсиновый сок со спиртом. Надрывается поездное радио, изливая на нас потоки отечественной попсы. Песня «Пьяная вишня» наводит нас на мысль, и мы развиваем теорию, что все песни – это, на самом деле, замаскированные песни про спирт. Стоит только чуть-чуть изменить слова, и это становится явным. Например, песню «Девушкой своею ты меня назови» следует петь так:

Спиртика бутылочку в поход захвати,
А потом наверни, а потом вломи!
Станут нипочем буреломы тайги,
Комары и мошка, Холода и дожди.

День 3-й, 7 июля, суббота

Кировск и Апатиты – два города расположенные практически вплотную друг к другу: расстояние между ними всего 16 км. Пассажирские поезда ходят только до Апатитов – в Кировск ведет лишь грузовая ветка. Поэтому, высадившись из поезда, мы с трудом уминаемся с нашими рюкзаками в маршрутку и едем в соседний город. Сразу выискивается женщина, которая берется нам показать, откуда ходит автобус до отворота на поселок Октябрьский.

Погода довольно мерзкая – идет мелкий дождь, ледяной ветер продувает насквозь. Кировск и Апатиты в последнее время превратились в популярный горнолыжный курорт. Стоя на автобусной остановке, мы наблюдаем ведущий на расположенную по соседству безлесную гору подъемник и болтаем с едущей куда-то на дачу бабулей. «Погода, как погода, – говорит она. – У нас тут все время так».

Впрочем, когда мы доезжаем до дороги на Октябрьский, дождь перестает.

Выйдя из автобуса мы перебрасываемся парой слов с дорожными рабочими в оранжевых жилетах, накрывшими себе обеденный столик на капоте стоящей у железнодорожного переезда легковушки. В этот момент мимо проезжает пустой «Камаз». Мы быстро договариваемся с водителем и запрыгиваем в кузов.

Погода налаживается, выглядывает желтое солнце. Мы стоим в кузове «Камаза» изо всех сил хватаясь за бортик. Неистовый ветер бьет в лицо, развевая волосы, машина подскакивает на ухабах, мимо несутся покрытые зелеными лесами сопки. В этот момент мы понимаем, что путешествие началось.

Поселок «Октябрьский» местные часто называют «45-м километром» или, даже, просто «сорок пятым». В былые времена действительно большой поселок, теперь пришедший в упадок, когда 3/4 населения в начале 90-х съехало в другие места. Далее, по пути, мы встречали людей, выражавших удивление, что в «Октябрьском» еще вообще кто-то живет. На самом деле, народу там осталось немало. Тем не менее, мы не смогли найти машину, хозяин которой согласился бы (за деньги, естественно) провезти нас по дороге еще хотя бы километров пятьдесят. Все ссылаются на отсутствие бензина. В «Камаз», который нас привез, тут же принимаются грузить какие-то кирпичи.

Делать нечего, и, тяжело вздохнув, мы выступаем в путь по грунтовой дороге, ведущей от поселка. После окончания дождя, в воздухе появляются первые комары.

Нас удивляет наличие идущей практически параллельно грунтовке железной дороги – не узкоколейки, а именно нормальной железной дороги, на высокой насыпи и находящейся в довольно приличном состоянии. Просто поразительно, что судя по всему, пользуются ею нечасто, а весь транспорт ходит по покрытой лужами и выбоинами грунтовке. Вскоре мы обнаруживаем, что по насыпи вдоль рельсов идти значительно легче и поднимаемся вверх.



По железной дороге

Еще в Кировске, на остановке, бабушка сказала нам: есть грибы. Мы, поначалу, даже не поверили. Но едва мы поднялись на насыпь как тут же убедились – грибы! Подосиновики, маслята – в огромном количестве, вдоль всей железной дороги. Контраст с Приполярным Уралом, где грибы появляются только в августе, да и то лишь местами, разительный. Вообще, количество грибов на Кольском не переставало удивлять всю дорогу. Столько их я еще, несомненно, в своей жизни не видел. Доходило до того, что, временами, для того, чтобы поставить в лесу палатку, мне приходилось сначала раскидать занимающие место грибы, а потом уже приступать к делу. Это грибное изобилие.

Пройдя километров десять, обнаруживаем одиноко стоящий у обочины грунтовки мотоцикл. Рядом с лесочке, с бутылкой водки расположилась компания из троих молодых парней. Знакомимся. Видимо, старший из трех, представляется Вовой Мельником. Нам наливают водки. Выпиваем. Потом еще. Дима достает спирта. Выпиваем. «Смотри, как пьют спирт северные мужики, – замечает Дима. – Даже не крикнут». Выясняется, что мотоцикл сломался и мужики ждут легковушки, которая приедет из Кировска их вызволять. В этот момент легковушка появляется. По этому поводу выпивают еще. «А вы куда едете?» – спрашивает Вова. – «Да мы на Поной». – «На Поной? А в Краснощелье будете?» – «А как же». – «О, привет передавайте!»

«(Вписка)», – думаем мы и тщательно записываем имя и фамилию. Приветы, как мы давно убедились, в походе – ценнейшая вещь, и их коллекционированием мы потом занимаемся всю дорогу.

Парни уезжают. Пошатываясь, мы отправляемся дальше. Впрочем, под действием 46-и килограммового рюкзака весь спирт из головы улечучивается через полчаса.

На пятнадцатом километре пути мне, как всегда, кажется, что мы идем не останавливаясь уже неделю. В этот момент мимо нас проезжает вахтовка...



Вова Мельник

В геологоразведочном лагере

В вахтовке сидят двое веселых парней: Иван и Алик – буровики, возвращающиеся из города в геологоразведочный лагерь. Нас подбирают, обещая подвезти километров 30 по дороге, что мы воспринимаем с ликованием. Сам лагерь находится довольно далеко в стороне. Алик и Иван в отличном настроении, попивают пиво, угощают нас и по связи с кабиной прикалываются над водителем, который крутит по автомобильному радио какую-то попсу; а также время от времени просят остановить, чтобы выйти пописать. В конце концов, взбешенный водитель заходит в салон, отбирает у них микрофон и говорит: «Ссать – завязывайте!»

«А что, может заедете к нам в лагерь?» – предлагает Алик. В геологоразведочном лагере мы еще ни разу в жизни не были. – «Что, поедем?» – спрашивает Дима. – «Поедем», – отвечаю я, немного прибалдевший от впечатлений сегодняшнего дня.

Машина сворачивает с дороги в густой лес. На ухабах трясет так, что у меня расплескивается пиво. Мы с восхищением смотрим на проносящиеся за окнами лесные пейзажи, освещенные сюрреалистическим косым светом висящего над горизонтом ночного солнца. Мы и не представляли себе, что леса Кольского так красивы. Почти повсюду расстилается зеленовато-белый ковер ягеля, то здесь то там прямо среди деревьев валяются большие камни. С ветвей свисают бороды лишайника.

Мы прибываем в лагерь. Небо затягивает облаками, в сероватом ночном свете виднеются вагончики буровиков, гудит дизель. Жуткая грязь. Первым делом мы заваливаемся в столовую. По вечерам там образуется что-то вроде клуба. Веселый повар Андрей и несколько молодых ребят-буровиков жарят на сковородке грибы с картошкой и луком.



В столовой ночью есть, чем подкрепиться



Веселый повар Андрей. Дима, зачем-то, надел на него каску

– Что, не спится? – спрашиваем мы Андрея.

– Так ведь полярный день же! Бывает, целые сутки уснуть не можешь. Этот свет... Зато потом ляжешь спать, просыпаешься и не знаешь, день или ночь на дворе. Однажды выяснилось, что я проспал два дня.

На улице жуткий дубак. Мы смотрим на термометр, который показывает семь градусов. Да, июль месяц, нечего сказать.

Идем в баню. Сырые дрова горят плохо. В печку подливают отработанного масла из буровой установки, но от этого едкий дым начинает проникать в парилку.

В вагончике, в тесной комнатке несколько буровиков, отдыхающих после смены, смотрят всю ночь видео с DVD. Соседняя комната сплошь уставлена двухъярусными кроватями. Я нахожу в полутьме свободное место и без сил плюхаюсь спать.

Когда я просыпаюсь на следующий день, погода отвратительная. Идет мелкий дождь, страшный холод. Рабочие радуют нас, говоря что такая погода держится второй месяц. От холода нет даже ни единого комара, хотя развешанные по стенам накомарники красноречиво свидетельствуют о том, сколько их тут бывает.



Семь градусов, не больше

Мы стоим на улице, наблюдая за работой буровой установки и жутко мерзнем. Дима фотографирует. За пару часов промокаем насквозь. Обоих одолевают мрач-

ные мысли. Тут что, все время так? Если такая погода продержится, когда мы выйдем на маршрут, нам придется очень тяжело.

Работа на буровой установке весьма физически тяжела, к тому же, делать ее приходится и в дождь и в холод – что мы в тот день особенно хорошо прочувствовали на себе. У двоих ребят, что в течение смены обслуживают бур, есть лишь немного времени, пока установка забуривается в породу, погреться у нещадно гудящего дизеля, после чего они должны снова выходить на улицу под дождь: доставать из сверла керн, таскать ящики, загружать новое сверло – и так до бесконечности. Труд связан с тяжелыми железками, нередок производственный травматизм. Из установки постоянно льется охлаждающая бур вода, разжижая покрывающую все вокруг густую липкую грязь, которую месят колесами разъезжающие по лагерю грузовики.

Тяжко нависшее небо, холодный дождь. Мокрые сосны по сторонам выглядят враждебно.



Оператор буровой установки

Керном называются цилиндрические, отполированные с боков до зеркального блеска образцы породы, вываливающиеся из сверла, когда его достают из земли. Это вещь, ради которой буровики, собственно, и работают. Керн бережно раскладывают по имеющимся отделениям деревянным ящикам, перекладывают табличками с обозначением глубины. Вначале, образцы проанализируют живущие в лагере по соседству геологи. Они сделают предварительное заключение по содержащимся в образце породам, кроме того, их интересуют и другие вещи: например, трещины в керне, по которым можно определить в каком направлении, в случае начала промышленной разработки, следует копать карьер, – чтобы породы не дали подвижку и стены не обрушились. Затем ящики отправляют грузовиками на лабораторный анализ. Цель поиска – платина. Да, собственно, сульфид платины можно уже наблюдать невооруженным глазом в извлекаемых из земли породах в виде мельчайших серебристых вкраплений.



Буровики



Извлечение керна



Всё ради этих образцов





Новое сверло

Через несколько лет в этом, сейчас таком тихом, месте, по-видимому, будет огромный карьер: будут рыть экскаваторы, грузовики с грохотом отвозить породу.



Бригада механиков целый день под холодным дождем чинит лопнувшую гусеницу бульдозера. Процесс починки сопровождается удивительными, непередаваемыми в письменной речи выражениями

Геологи держатся особняком, живя по соседству в палатках. Все молодые парни, многие – практиканты. В большой палатке у них стоит ноутбук. Дурная погода приводит их в уныние. «Водка что-то быстро кончилась», – говорят они нам.



Геологи позируют



Геолог за работой

Когда разговариваешь с буровиками и геологами о Кольском полуострове, многие искренне удивляются: «Вы, чего, приехали сюда... отдыхать? Да что здесь хорошего?!» Человеку, проработавшему два месяца в геологоразведочном лагере кажется, что он всё уже тут знает. И многим невдомек, что стоит взять рюкзак и палатку и отойти от этой точки какую-то сотню километров, начнутся совсем другие, удивительные места.



Буровая установка – огромная машина, которая может передвигаться на гусеницах со скоростью порядка ста метров в час. Желтый чехол предназначен для защиты бурового механизма от непогоды. Нам посчастливилось наблюдать, как эта машина переезжает с места на место.

День 5-й, 9 июля, понедельник

В выехавшей из геологоразведочного лагеря вахтовке, кроме нас и водителя находятся возвращающийся в Москву геолог, а также Алик, снова едущий в Кировск по каким-то производственным делам.

Мы доезжаем до дороги, где рядом с неглубоким озерцом виднеются остатки большого земляного барака. Прощаемся и, взвалив на спины тяжелые рюкзаки, отправляемся в путь.



Дорога вся покрыта глубокими лужами. Впрочем, до 82-го километра она еще достаточно прилична и по ней вполне можно проехать на УАЗике

Пройдя около 10-и километров мы натываемся на довольно странную избу, которую местные кличут «82-м километром».

Главное, что привлекает в ней внимание, это, конечно, козырек с таксофоном на стене. Козырек, как козырек, конечно, но здесь это производит примерно такое же впечатление, как встретить посреди леса киоск с эскимо и мороженщицей. Телефон, правда, не работает.



В лесу увидел телефон?! Второй косяк, был лишним он

Здесь много и других интересных вещей. Большуший ветряк, когда-то использовавшийся для получения электроэнергии. Множество пустых вагончиков с печками и лежанками. К двери дома прислонена лопата, и мы бродим по улице.

Через некоторое время появляется хозяин – парень лет тридцати пяти, с небольшой черной собачкой. Собака заметно прихрамывает.

Парня зовут Андрей, он связист обходчик. Его работа поддерживать в работоспособном состоянии три телефонные линии, которые идут по столбам вдоль дороги. Для этого в доме установлено довольно сложное оборудование. По показаниям осциллографа можно определить место, где произошел обрыв на линии с точностью до ста метров. Из домика Андрей даже может позвонить жене в Апатиты.



В домике связиста

В доме – печка, кровати, кое-какая мебель. Мы долго разговариваем, сидя за столиком на кухне. Андрей работает здесь недавно, раньше тут жил другой человек. Судя по словам Андрея, не то чтобы он очень доволен, что его заслали сюда. К тому же, возникли какие-то трения с начальством, из Апатитов уже две недели не присылают продукты. Конечно, тут и рыбалка и охота, а эти делом он занимается всю жизнь, но одному, все же, неуютно. «Я ж еще не старь, все-таки, в такой глуши-то сидеть!» Из радиоприемника похрипывает радио «Маяк» – единственное, что здесь принимается. О телевиденье и вовсе можно забыть.

Вскоре выясняется, почему прихрамывает собака. Пьяные геологи, ночевавшие рядом в вагончике, устроили пальбу из дробовика и ранили пса в лапу.

«Народ теперь стал другой, – сетует Андрей. – Бедокурят, воруют. Сливают бензин из «Буранов». А ведь раньше тут и двери-то отродясь никто не запирали. Лопату ставили, вот, как я сегодня. Если накрест прислонил, значит «заходи, скоро буду». А если приперто – значит, надолго ушел, никто не смел зайти!»

Андрей раньше работал водителем на «Белазе». Кто не знает, это такой грузовик для карьеров, у которого одно только колесо в два человеческих роста, а в водительскую кабину приходится забираться по лестнице. После двух инцидентов с отказавшими тормозами, когда Андрей оказывался в гигантской, практически неуправляемой машине, несущейся под гору со скоростью сто километров в час, он решил завязать с этим делом. Вот, теперь работает связистом.

Мы выпиваем немного спирта и ложимся спать. На рабочем столе у Андрея коротко позвякивает зуммер, каждый раз, когда ветер, блуждающий в лесах и на болотах, сталкивает провода телефонных линий, и от этого звука в ночи веет каким-то пронзительным одиночеством.

День 6-й, 10 июля вторник Удар экстрима

Покинув домик связиста Андрея мы снова отправляемся в путь. Собачка Андрея – молоденькая и глупая, увязывается за нами. Только при помощи страшных ругательств и махания палкой мне удастся прогнать ее.

Через пару часов ходьбы мимо нас вдруг проезжает «Камаз». Я прошу подвезти и неожиданно получаю отказ. За рулем молодой парень с «пацанскими» манерами, разговаривает со мной даже не открывая дверь, через противокмариную сетку. Едет до Чурозера. «Не, у меня в кабине вещи». – «Да мы в кузове!» – «Не, там железки». Газанул и уехал. Мы с Димой остаемся стоять с открытыми ртами. Даже в карьере Димы, который-то уж точно много попутешествовал, это первый случай, чтобы на Севере так вот отказались подвезти двух туристов в глуши.

– С таким отношением далеко не уедет, – процедил Дима. – Ладно, не расстраивайся, Чурозеро – это нам не совсем по пути.

После 82-го километра дорога становится ощутимо хуже. Красивейшие места с лесом из сосны и березы чередуются с бескрайними болотами, не увязаем в которых мы лишь благодаря высокой дорожной насыпи. Невероятного труда стоило, наверно, уложить в здешних местах эту насыпь, и поражает воображение тот факт, что теперь эта дорога нужна бывает, разве что, редким туристам, вроде нас с Димой. Но для нас она, прямо-таки, дар божий.



Смайлик из лишайника

Утром 11-го июля мы стоим в лагере в придорожном лесу, попивая чаёк, и видим пробегающего мимо нас по дороге оленя. Погода отличная. После того, как нас напугали дожди в геологическом лагере, у нас просто камень с души свалился – похоже, погода, все-таки, наладилась. Мы находимся в приподнятом расположении духа. Ничто не предвещало экстрима...

Начиная с 100-го километра дорога практически прекращает существование. Здесь уже только на вездеходе – и то, как говорят, проблема. Начинаются пресловутые Марьёвские болота. Одновременно с этим выглядывает солнце и устанавливается необычайная для этих мест жара. Откуда ни возьмись, словно они только и ждали этого момента, появляются тучи гнуса.

Мы забираемся в гору и несколько часов идем по практически безводным местам. Здесь располагаются остатки бывшего зековского лагеря.





Развалины барачков на 100-м километре

Когда мы спускаемся обратно, я, изнывая от жажды, попил водички из болота и, видимо, нарвался на зацветшую воду. Почти незамедлительно начинается тошнота.

Болото кажется бескрайним. Бесконечные вереницы зеленовато-бурых кочек, столбы телефонной линии, приваленные камнями. Со своим тяжелым рюкзаком я периодически увязаю по колено, и тогда, чтобы выбраться, мне приходится метров десять ползти по мокрому качающемуся мху на четвереньках до очередного твердого участка. В одном месте у Димы увязли ноги. Он упал на руки – увязли и руки. Тогда он перевернулся на спину и объемистый рюкзак вытолкнул его из болотной жижи. Тошнота становится все хуже. Я все время блюю.



В болоте

Дорогу преграждает узкая, но довольно глубокая речка. Нам приходится рубить березы, чтобы перебраться на другую сторону. Вечером ставим палатку под дождем.



Речка только кажется узкой, но когда Дима со злости попробовал форсировать ее вброд, то погрузился с головой. Приходится переходить ее по бревнам с шестами в руках, при этом сохранить равновесие с тяжелым рюкзаком непросто. Забавно, что в этот момент я очень плохо себя чувствую и, перейдя на другую сторону, начну безудержно блевать.

День 8-й, 12 июля, четверг В Кейвы!

Всю дорогу мы удивляемся, сколько на Кольском муравьев. Опять-таки, разительное отличие от Полярного Урала, где насекомых очень мало, если, конечно, не считать комаров. Довольно большие, иногда по колено, муравейники громоздятся буквально везде, даже посреди болот, чего я раньше, лично, никогда не встречал.

Плеться по болоту, мы вяло фантазируем, что будем делать, если в конце маршрута, все-таки, встретимся с пограничниками. Никаких разрешений на нахождение в погранзоне мы, естественно, не получали.

– А давай все вещи выкинем и положим в каждый рюкзак по муравейнику. Пограничники откроют, посмотрят, офигеют.

– У вас это что?!

– Понимаете, мы очень любим животных. У нас дома в ванной живут муравьеды. Поэтому мы каждое лето отправляемся на Кольский набрать им свежих муравьев.

– Вы что, е...тые?

– Не, мы нормальные!

– У вас, что, своих муравьев нет, что ли?

– Но ведь кольские муравьи самые сочные!..

Подумают, ну этих сумасшедших москвичей, и отпустят. Потом будут друг другу рассказывать: «Открываем, а у них в рюкзаках муравейники. Муравейники, представляешь?» – «Врешь». – «Нет, правда!!!»

Пограничники, как потом выяснилось, на самом деле, оказались отличными ребятами. Но об этом позже.

День не легче предыдущего. Прошли много, километров 15. Проблемы с желудком удалось несколько утихомирить при помощи таблеток фталазола и левомецитина, однако я впадаю в странное и неприятное состояние: все время мучает жуткая жажда, стоит попить воды, начинает тошнить. К тому же, от отравления развилась зверская изжога.

По дороге мы видим летящих в небе косяком лебедей.



Почти у самого Койнийока, чуть в стороне от дороги, мы находим уютный балок с лежанками и печкой, стоящий у самого ручья. Впрочем, желание дойти до реки, чтобы на следующий день начать собираться в Кейвы было слишком сильно, и останавливаться там мы не стали. До реки, впрочем, от этого места всего пара километров, и к вечеру мы разбиваем лагерь на берегу.



Балок у дороги

Чем мы занимаемся на следующий день, это делаем заброску – тайник, где спрячем большую часть продуктов, теплой одежды и катамаран, чтобы отправиться в Кейвы налегке. Устройство заброски – не такое простое дело, как может показаться. Во-первых, ее не должны найти люди, во вторых, повредить звери. Особенно в этом плане опасны мыши: мелкие твари не столько съедят, сколько изгрызут и продырявят все мешки с продуктами, одежду и снаряжение. Они могут сгрызть даже катамаран! Дима знает немало историй, когда оставленный в неудачном месте катамаран вернувшиеся горе-путешественники находили в настолько изгрызенном состоянии, что годился он после этого, разве что, только, как говорили в мультике, «макароны отбрасывать». К счастью, у Димы уже давно созрел план, как этого избежать, для чего у него с собой припасено полбутылки керосина.

Мы раздираем два огромных полиэтиленовых мешка для мусора, на первый, положенный рядом с большим камнем, глубоко в лесу, складываем все вещи, прикрываем вторым мешком и обильно поливаем сверху керосином. Резкий запах керосина распространяется по округе. «Ну вот, – шучу я, – остается только поджечь!» Мы, конечно, не поджигаем, а тщательно маскируем все это дело с боков и сверху мхом.



Заброска. Даже с расстояния нескольких шагов нелегко определить, что это такое. Успех идеи с керосином оказался полнейшим. За двадцать дней, что мы провели в Кейвах, в заброску не залезла ни одна мышь. Правда, позже нам сказали, что медведь керосина не боится, и если б нашел косолапый, разворошил бы всё.

В реке Дима выловил трех хариусов, которых мы, после трудов, поджариваем на костре. Это первая рыба, которую мы отведали на Кольском. Такой вкусноты, даже я, со своим больным животом, не могу не поесть.

День 10-й, 14 июля, суббота

В Кейвы! С легкими рюкзаками мы отправляемся в горы.

Перейти через Койнийок оказывается несложно. На другом берегу, вдоль дороги снова тянутся развалины барачков. Состояние дороги в этих местах опять удовлетворительное, и мы идем довольно быстро.



Широкая, но довольно мелкая речка. Как потом оказалось, весьма рыбная

Проходим 18 километров. Находим избу «Северо-западного телекома», используемую для обслуживания линий связи. Когда-то и здесь жил человек. Теперь о нем напоминает только заброшенный огород. Дом пустует, лишь время от времени принимая передвижающихся по дороге геологов или путешественников. Вокруг была отстроена целая инфраструктура: множество сарайчиков, такой же ветряк, как в предыдущем доме, баня у небольшого озера, удобный спуск к реке, вертолетная площадка, рядом с которой стоят крашенные в синий цвет металлические контейнеры, где работники «Телекома», видимо, хранят оборудование. Всё потихоньку начинает приходить в упадок: дому нужно постоянное присутствие человека.



Пустой дом



Вид с озера



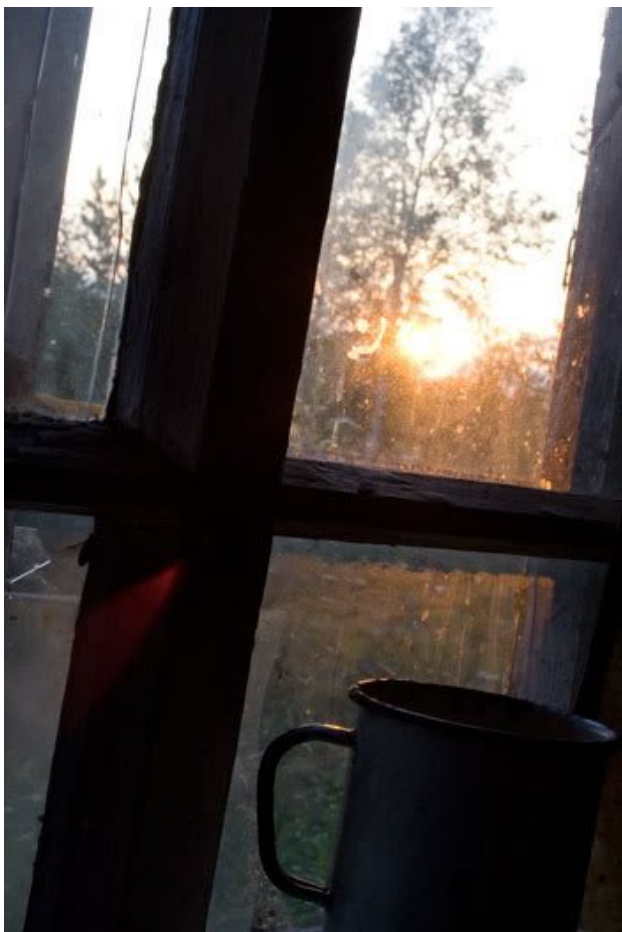
Ветряк



Странный предмет, назначение которого мы с Димой не смогли определить.

В самой избе мы нашли такое количество литературы, что тут же прозвали ее «избой-читальней». Целый ворох старых журналов: «Юный техник», «Наука и

жизнь», «Северные просторы». Последний – настоящее чудо. Весь вечер читаю. Описания быта северных народов – чукчи, эвенки, ненцы, – кого только нет, – фотографии, различные полезные советы для путешественников, охотников и рыбаков. Кажется, журнал больше не выходит. Жаль, я бы подписался, ей богу.



В доме



Вечернее чтение

В доме есть кухня, большая печка, подпол. Везде грязь и беспорядок, мы с Димой долго прибираемся. На стене остатки какого-то телефонного оборудования; в больших индикаторных лампах время от времени проскакивают бледно-синие искры. На лежанке, у окна, устроили дорогу здоровенные лесные муравьи. Тем не менее, этот дом – последний островок уюта, перед раскинувшимися за ним абсолютно дикими местами, так что я, потом, вспоминаю его с ностальгией.

День 11-й, 15 июля в Кейвах (визуальная часть)

Выдвинувшись из «избы-читальни» сразу же попадаем под сильный ливень. Промокаем до нитки. Дождь преследует нас целый день.



Комары. Все предыдущие дни я ходил без накомарника, но теперь значительно потеплело и, несмотря на периодически идущий дождь, этих тварей вылезло столько, что без накомарника становится решительно невозможно. Нам придется терпеть это до конца августа

Как только кончается лес, начинаются настоящие горы. Я замечаю передвигающегося по склону, среди кустов, маленького медвежонка. Особенной наблюдательностью я не отличаюсь, просто удивительно, что углядел. Хочется подойти чуть ближе, чтобы хоть как-то сфотографировать, но страшно. Продолжаем движение, беспокойно озираясь.

Вечером мы наконец-то забираемся на скалы и обозреваем настолько потрясающий вид, что захватывает дух. Становится окончательно ясно, что мы пришли сюда не зря.



Камень-кораблик



Признаться, до того, как мы с Димой приехали на Кольский полуостров, мы даже не знали, что здесь растут сосны, а не лиственницы. Помнится, потом лесник Василий Игнатьевич Терентьев из Краснощелья, улыбаясь, отвечал нам: "Лиственницы?.. Как же, есть! Вон, у меня на огороде две штуки растут – специально сюда привез!"





Поразительно красивые, странно выветрившиеся скалы, покрытые прекрасными сосновыми лесами производят на нас неизгладимое впечатление

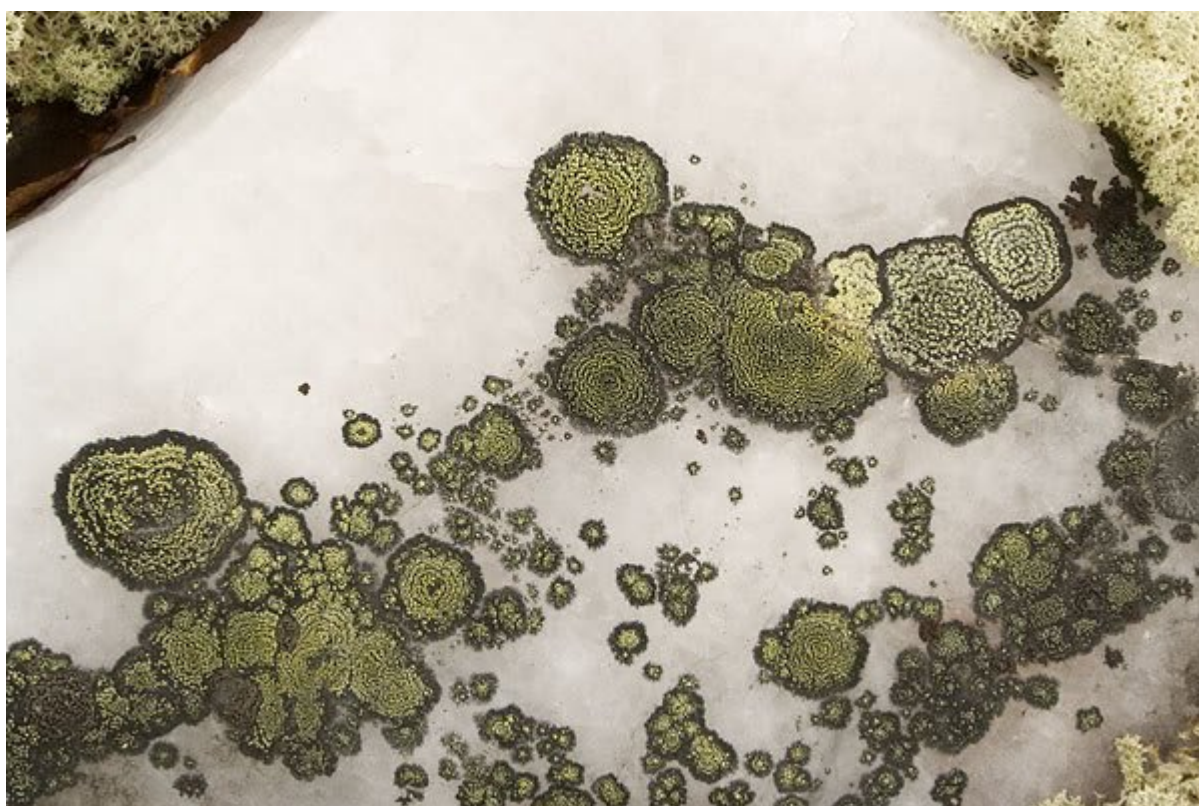
Одна гора удивляет тем, что издали кажется розовой. Мы не поленились пройти пару километров, чтобы забраться наверх. Розовый цвет оказался обусловлен толстым слоем гранитной крошки, покрывающий склоны. В дальнейшем мы находим множество скал, выветрившихся подобным образом.



Камень-ящерица



Подобное выветривание встречается здесь повсеместно. На эти природные скульптуры можно любоваться часами и, порой, даже с трудом верится, что эти изваяния созданы природой. Среди причудливых нагромождений камней мерещатся гигантские лица, морды рыб и животных



Посреди зеленовато-белого ковра ягеля валяются большие куски кварца, выбеленные дождем и ветром настолько, что напоминают огромные сахарные головы. На некоторых лишайник образует замысловатые рисунки



Возможно, идея пресловутых лабиринтов, которых столько встречается на Кольском, была подсказана их создателям рисунками лишайника на камнях

День 12-й, 16 июля, понедельник в Кейвах (продолжение)

День пасмурный, но дождя нет. Однако, нам приходится перейти вброд две крупных речки, и я снова весь день мокрый до трусов.

На следующий день мы, наконец, достигаем Центральных Кейв, которые известны как самая красивая точка возвышенности.

В этот день нам очень везет с погодой. Потрясающие пейзажи, скалы, сосновые леса. Обнаруживаем интересный водопад.





Водопад спускается вниз небольшими, очень ровными террасами

Вечером проходим еще буквально два километра, и местность резко меняется. Исчезают сосновые леса, кругом какие-то низкорослые березки. Лишь с большим трудом находим место, пригодное для ночлега.



Вечером в горах так холодно, что изо рта идет пар

День 14-й, 18 июля, среда

Пошедший вечером дождь мочит нас буквально до нитки. Мы спешно устраиваем ночлег в абсолютно дремучем лесу, расположенном на сыром склоне горы, вырубив несколько нижних ветвей у огромной ели, и устроив под ней вещи, как в шалаше. Ель настолько густа, что под ней практически сухо. Наохлившись, едим, греемся у костра. Я еле нахожу место для палатки. Повсюду мох, искривленные березки, с отслаивающейся от сырости корой, свисающие борода лишайника.



Под елкой в дождь

День 15-й, 19 июля, четверг

С середины дня нас преследует жуткий ветер. Очень холодно.





Камень-голова

Мы никак не можем отыскать пресловутый «зеленый» карьер с Амазонитом. У нас есть лишь очень неточные (и, как позже выяснилось, неверные) сведения о его местонахождении, так что мы безрезультатно нарезаем круги по склонам, но так ничего и не обнаруживаем.*

* Позже карьер удалось найти.



Неожиданная находка – оленье рога. В очень хорошем состоянии. Эх, взять бы с собой, да не утащишь



Вечером, все затягивает густой туман. Чтобы не плутать, мы останавливаемся. На ужин снова жареные грибочки, которые мы жарим в котелке, так как не потащили с собой большую сковородку. Подсолнечного масла на грибы уходит уйма – оно уже кончается. Впрочем, и сами грибы уже начинают надоедать. Грибы хорошо с лучком, да с картошечкой. В чистом виде они быстро приедаются.



Лагерь у камня



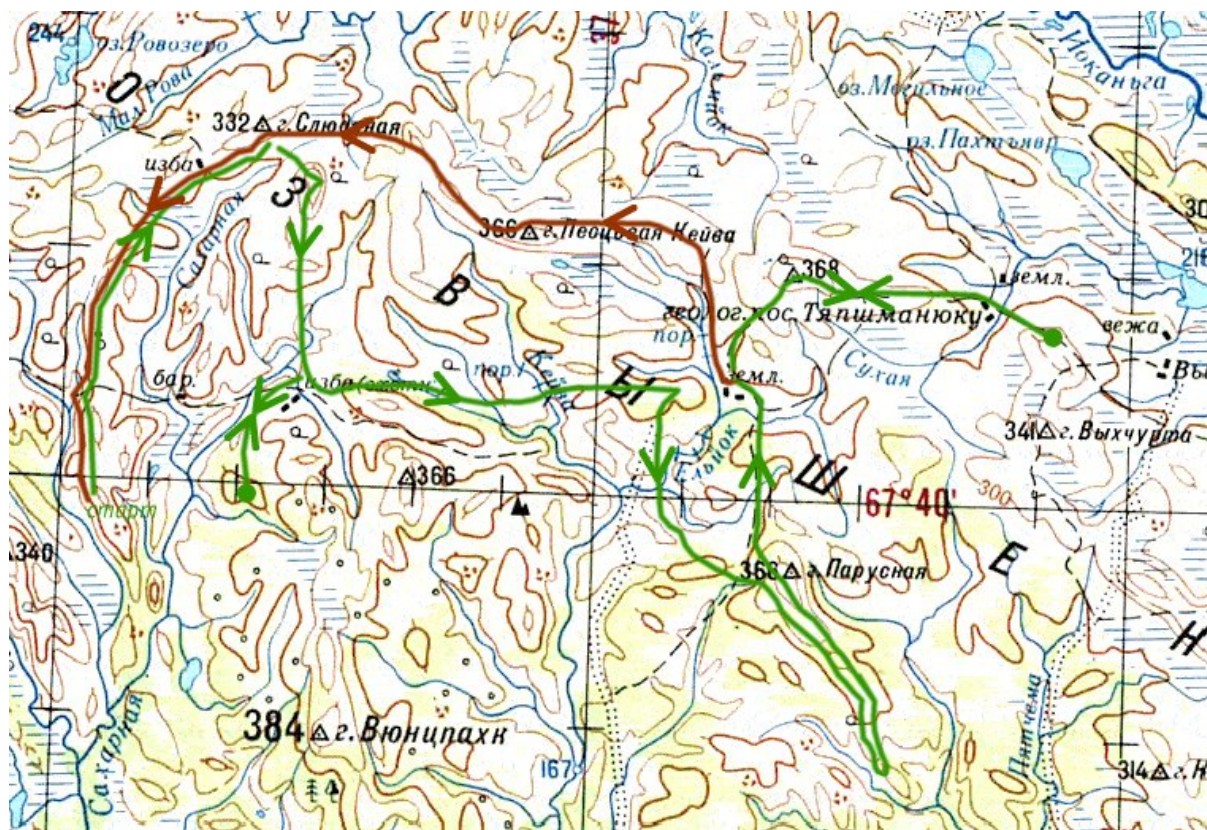




День 16-й, 20 июля, пятница

Весь день то дождь, то ветер. Зеленый карьер так и не находим. Очень обидно. Это ведь известное на весь мир место! Побывать здесь и так его и не найти? Просто не верится, что может так не повезти. Дима явственно переживает по этому поводу, я отношусь к этому по-философски. Меня волнует несколько другое: жрать очень хочется. Что-то мы взяли с собой маловато продуктов. Дело в том, что изначально мы планировали пробыть в Кейвах максимум неделю. Однако, неделя уже на исходе и становится окончательно ясно, что так быстро мы отсюда не выберемся.

Тем не менее, на следующий день нам улыбается удача. Следуя по дороге, мы сначала набредаем на загон для оленей (кораль), и стоящий рядом большой сарай. Сам кораль представляет собой довольно занятное зрелище. Сколоченный из больших бревен, видимо, еще в советские времена, он состоит из отдельных небольших загонов, из которых ведут наружу извилистые коридорчики, по которым может пройти одновременно только один олень. В самом сарае ничего нет, а нам очень хотелось бы найти продукты. Но, пройдя по дороге всего пару сотен метров, мы набредаем на удобный и очень большой дом, в котором, ко всему прочему, мы находим кучу еды. Особенно радует нас огромный, до пояса, бумажный пакет с армейскими сухарями.



Приблизительный маршрут нашего движения по Кейвам



Кораль и сарай рядом с ним



Дом такой огромный, что мы заняли только одну его половину



Внутри

Естественно, мы решаем здесь заночевать. На столе остатки застолья, сохранившиеся, возможно, с нового года – рюмки, соевый соус, горчица. Мы мажем сухари горчицей, кипятим чай и довольные растекаемся на лежанках. Под кроватью и на чердаке находим также несколько банок консервов. Некоторые совсем ржавые.

- Дима, – говорю я, указывая на пачку, – масло 2003-го года.
– А, фигня! Чего с ним будет? Я его перетоплю.

Масло действительно, вроде, даже не пахнет, и Дима перетопил его в стеклянной банке, - чтобы выяснить, что бутербродное масло в пластмассовых пачках содержит в своем составе половину воды. Интересное открытие. Масло, вроде, с водой не смешивается: как ее туда засовывают?



**Интерьер дома красноречиво свидетельствует о его предназначении:
база оленеводов**

На тумбочке находим потрясающую записку:

«Здравствуйте!!!

Стадо поднялось. Уехали с вещами. Будем или в пальник мышке или с левой стороны ворги на манюке. 20.04.07»

Ничего не понятно, но какой колорит! «Стадо поднялось»...



Детский рисунок. Справа, под вездеходами – олени. Назначение конструкции в центре остается неясным: вероятно, это геодезическая вышка



Возложение сухарика к деревянному идолу на выходе из дома. Судя по положению правой руки Бога, он недоволен даром.

На следующий день мы отправляемся из дома на небольшую «прогулку» длиной в 38 километров. Мы движемся по направлению на восток и обнаруживаем покинутую воинскую часть в которой из всех зданий уцелело только пол-балка с лежанкой и печкой. Затем, в горах, мы находим могилку геолога, исследователя Кейв.

Далее этой точки начинаются Восточные Кейвы, представляющие собой сплошную тундру.





На остатках заброшенной военной части.



Столбы использовались для того, чтобы в пургу добираться по ним от основного здания до радара

По возвращении, Дима обнаруживает, что в речке, протекающей прямо с домом, ловятся хариусы и форели. Это открытие приводит его в восторг.



Дима задумал сделать романтическое фото, но, летящие словно «Мессершмитты» комары украсили собой весь кадр. Кстати, большая проблема при съемках на Севере



Есть что-то необычайное в северных дорогах, идущих по горной тундре. Какое-то ощущение беспредельности, бескрайнего простора





Дальше – Восточные Кейвы. Это безлесная местность, ходить туда стоит только имя при себе примус



Говорят, в конце радуги можно найти кучку банок с тушенкой

Кольский полуостров является одним из немногих мест, где добывается интересный минерал - ставролит. Минерал этот имеет не столько практическую, сколько коллекционную ценность: дело в свойстве его крупных черных кристаллов образовывать сростки в форме правильного креста. Подобные «естественные кресты» пользовались популярностью во все времена, а кто-то из монахов, говорят, даже носил такой на шее. Сейчас стоимость крупного креста из ставролита достигает нескольких тысяч долларов.

Как раз непосредственно рядом с домом, в котором мы находимся, расположен популярный ставролитовый карьер. Судя по изрытости и множеству брошенного и разбитого инструмента, самодеятельные минералодобытчики посещают это место довольно регулярно. Неподалеку остатки палаточного лагеря. Валяются выброшенные автомобильные аккумуляторы, куча баллончиков из-под антикомариной жидкости. Породы, в которых залегает ставролит, довольно твердые: чтобы добывать его, нужен хороший инструмент, - так что нам с Димой здесь особенно ничего не светит. Мы, естественно, немного роемся в валяющихся по округе отвалах из камней, и я нахожу небольшой, но совершенно замечательный образец: почти ровный крестик на белоснежной, чуть поблескивающей мелкими кристалликами каменной подложке, напоминающей бархатную подушечку.

И надо же такому случиться: именно этот образец я каким-то совершенно непостижимым образом профукал. Особенно учитывая, что за время похода я не потерял буквально ни одной вещи. Мистика.

19 и 20 числа мы продолжаем бить баклуши в доме. Дима весь день развлекается тем, что ловит в речке рыбу, которую то жарит, то коптит. 25 июля, утром, к нам неожиданно заваливается аж пять велосипедистов. Это первые люди, которых мы встретили в Кейвах.





Надо сказать, сама идея путешествовать по Кейвам на велосипедах вызывает некоторое удивление. Несомненно, Кейвы – по видимому, одни из самых удобных для передвижения гор на Земле: этому способствует их компактность, практически повсеместное отсутствие стланика и весьма умеренное количество болот. Тем не менее, так дело обстоит для пешего путешественника - велосипеду же требуется хоть какая-то дорога. Дороги тут есть далеко не везде; да и те что есть, в общем-то, представляют собой типичное для северных гор зрелище: то лужа, то болото, то грязь по колено. А как эти ребята продирались через Марьёвские болота со своими железными конями, я боюсь даже представить. Впрочем, фанатам велоспорта, наверно, море по колено. То есть, по седло.

Трое ребят оказываются из Мурманска, двое – аж из Волгограда. За кружкой чая мы рассказываем им о нашем горе – никак не можем найти зеленый карьер. Вот тут-то нам и повезло по-настоящему! Большая удача встретить в глуши бывалых бородатых путешественников - к тому же, местных! Мурманчане, естественно, знают, где это находятся. Вдохновленные полученной информацией, мы решаем, что хватит сидеть в доме, пора бы и честь знать. Вечером мы выходим, но успеваем пройти всего 4 километра. На пути нам встречается водопад столь красивый, что мы понимаем, что просто не в состоянии здесь не заночевать. К тому же, в омуте под водопадом ловятся форели.



Целые поляны из можжевельника – характерная черта здешних гор. Некоторые кусты со временем засыхают, корни у них неглубокие и куст можно выдернуть из земли руками. Так что впервые в жизни в Кейвах мне довелось посидеть у костра из можжевельника. Жаркого и ароматного.



Эта фотография вызывает неоднозначные толкования. Девушки говорят, что это сердце. Мужчины... эх, пошляки.



Мы разбили лагерь с невероятно живописным видом прямо на краю обрыва, рядом с водопадом



Я изобразил inferнального монстра, напялив на спину куст можжевельника. Забавно, но спрыгнув с этого камня я обнаружил под ним довольно крупную птицу, типа сокола, с откушенной головой.



День 22-й, 26 июля, четверг Амазонитовый карьер

Весь день идем до горы Слюдяной. По пути натываемся на заброшенную стоянку геологов, где находим интересные образцы кианита – минерала с прожилками небесно-голубого цвета. Вечером снова встречаем наших велосипедистов и часок сидим с ними у костра.



Вторая встреча с велосипедистами

Еще вечером у Димы начинает болеть нога. Утром, 23-го он обнаруживает, что идти дальше не в состоянии. Как выяснилось, заработал нагноение на большом пальце. Весь день мы сидим на месте, предаваясь невеселым мыслям: Дима, потому что очень сильно болит нога, я – прикидывая, на сколько дней такого сидения нам хватит продуктов, учитывая, что они почти кончились. Чая у нас уже нет, и мы завариваем травяной: из черники, брусники, можжевельника. Если положить кусочек сахару, получается этакий компотик. Палец Димы распух ужасно. Он поливает его спиртом и посыпает стрептоцидом. Помогает не очень. В такие моменты особенно остро понимаешь, что путешественники в отдаленные районы, как альпинисты в горах, находятся в одной связке. Что-то случилось с товарищем, и ты тоже никуда не пойдешь.



Стоянка на можжевеловой поляне

На следующий день Дима, с огромным трудом, снова пробует идти, и, через некоторое время, гной из пальца вытекает. Боль сразу начинает утихать.

Яркий солнечный день, легкий ветерок, погода идеальна. Мы проходим красивые горы и добираемся до стоянки у камней, где ночевали 15 июля. Оставив часть вещей, идем по дороге смотреть зеленый карьер.

На месторождении амазонита располагался большой вахтовый поселок. Полностью заброшен. Только пара балков и дом в конце дороги поддерживаются в жилом состоянии геологами и оленеводами. Мы ночуем в уютном домике с печкой. На следующий день, бросив вещи в доме, идем смотреть амазонитовый карьер. Что и говорить, зрелище впечатляет. Огромная куча амазонита встречает тебя уже неподалеку от дома. Чисто отмытые дождем и ветром изумрудно-зеленые куски ценного поделочного минерала самых разных размеров валяются в разорванных мешках. Потом в Мурманском краеведческом музее мы с Димой очень смеялись, когда обнаружили, что в местной лавке кусочек амазонита, размером с фалангу большого пальца, продается за 100 рублей. Здесь его валяются тонны – и все это, по всей видимости, никому не нужно.





Выбрать себе камешек на память при таком изобилии особенно трудно



Сам карьер огромен. И ни одного человека народу. Я долго копаюсь в отвалах, придирчиво выбирая себе на память образец получше. Беру кусок амазонита и черной, расслаивающейся на тонкие прозрачные пластинки слюды, которой здесь тоже предостаточно.



Стены карьера



Мы долго ходим по поселку, осматривая брошенную технику, остатки столовой, печку из кирпича, сооруженную в земле рядом с колодцем, которую, видимо, зимой топили, чтобы колодец не замерзал. Интересно, сколько все это простоит еще здесь? Лет двадцать, не больше. А потом все развалится.





Остатки вахтового поселка



Дом

День 26-й, 30 июля, понедельник

Кейвы, все-таки, удивительные горы. Очень часто встречается ровная как стол местность, покрытая мягким ковром из ягеля. По таким местам гуляешь, и даже не верится, что ты в горах: местность больше напоминает парк, разбитый в японском стиле, с живописными низенькими сосенками и красиво наваленными камнями.

Теперь мы прощаемся с Кейвами и испытываем по этому поводу чувство легкой грусти. В последний вечер в горах налетает очень сильный ветер. Никак не можем развести костер, но когда разводим, сидим у камней и смеемся.

- Когда в Москве такой ветер, начинают падать рекламные щиты, и все кричат: "Ураган! Ураган!"

- Да! А нам тут хрен по деревне.

Ветер бешено завывает в верхушках сосен.





Выглядит, как какая-то древняя постройка, даже "окошко" есть, но, на самом деле, это всего лишь причудливо выветрившаяся небольшая скала



Неожиданность: деревянная лежанка, посреди голой тундры

Мы движемся по направлению к дому на Кульйоке. Продукты у нас почти кончились, но, останавливаясь вечером, мы ловим рыбу. Второй неприятный момент – совершенно закончилась соль. 1-го августа мы приходим в дом, но найти соли не можем ни крупинки. Чертыхаясь, обшариваем всё. Чтобы в домике, стоящем в глу-

ши, никто не оставил соли?! Такого не может быть! И точно, через некоторое время находим в снях несколько полуокаменевших комков под перевернутой банкой.



Возвращение к истокам. Готовим на печке

Мы отдыхаем, рубим дрова, топим баню. Неожиданно слышим со стороны дороги шум двигателя. Приезжает вездеходчик, по имени Максим. Оказывается, повезет завтра с 100-го километра геологов, потом поедет обратно.



Вездеходчик Макс

Идти пешком нет никакого смысла: естественно, решаем остаться еще на один день, а потом ехать вместе с ним.

2-го августа вездеходчик Макс провозит мимо нас геологов. Три парня, две девушки. Девушки, кажется, смотрят на нас, заросших бородами мужиков, непонятно что делающих в таком месте, как на восьмое чудо света. В 9 часов вечера Макс возвращается и мы едем на МТЛБ к нашей заброске на Койнийоке.

Вездеход мчится по узенькой, проложенной по лесу дороге с невероятной скоростью. В ушах свистит ветер, перебивая рев мотора, на спусках захватывает дух. Ты сидишь сверху на кузове, на приличной высоте, ветви сосен несутся вровень с тобой, - и чувствуешь себя каким-то архетипическим первопроходцем, осваивающим новые просторы.



Вездеход МТЛБ (многоцелевой тягач лёгкий бронированный) – военная машина. Никогда бы не подумал, что он носится по лесным дорогам с такой скоростью

Мы находим свою заброску абсолютно непо потревоженной, трюк с керосином сработал на 100%. Надо сказать, что когда мы с Димой отправлялись смотреть карьер, я, чтобы не таскать лишнего, непредусмотрительно оставил под камнем вторые штаны, завернув в них бутылку подсолнечного масла. На следующий день, вернувшись, я с яростью обнаружил, что штаны прогрызли! Проклятые мыши. Пришлось зашивать. Так что, обнаружив заброску в целости, мы очень радуемся.

Весь день мы вяжем катамаран. Постройка катамарана начинается с рубки длинных жердей, которые мы скрепляем заботливо припасенными досками – благо, их не пришлось тащить на себе, ехали же на вездеходе. Доски и поперечные жерди привязываются длинными резинками. Работа довольно кропотливая и занимает много времени, тем более, что делать ее приходится тщательно: не хочется же, чтобы катамаран развалился под тобой где-нибудь на порогах. Как следует надуть баллоны катамарана ртом непросто: я тужусь, вдувая воздух, так, что глаза вылезают из орбит. С другой стороны, не тащить же с собой насос – лишняя тяжесть.



Начало постройки катамарана





Вяжем каркас. И что это я на этой фотографии такой счастливый? Наверно из-за того, что больше не придется ходить пешком

К вечеру мы заканчиваем с работой, и, с трудом перетаскив собранный каркас к реке, привязываем к нему баллоны и выплываем.



Результат работы



Отплываем

Плыть сложно. Время от времени, река неожиданно уходит в болота, сужаясь до размеров лесного ручейка, петляющего посреди густых кустов карликовой ольхи и ивы, так что почти каждые сто метров нам приходится вылезать, и протаскивать катамаран руками. Утешает нас только обильный улов хариусов, которых мы едим каждый вечер.



Не пролезает!





Эта невзрачная на вид сковородочка, на самом деле, является одним из самых великолепных димных походных "ноу-хау". Состоящая из найденных на свалке компонентов: нижняя часть – небольшая алюминиевая сковорода, верхняя - вообще крышка от какого-то насоса, – вся штука в том, что крышка плотно прилегает к сковороде, охватывая ее сверху, и всю конструкцию можно закапывать в угли. В результате, рыба печется в собственном соку. Если присыпать немного приправой для жареной рыбы, и чуть-чуть поперчить... эх, вкуснее рыбы, чем хариус из этой сковородки я в своей жизни не едал.



День 32-й, 5-го августа, воскресенье



5-го августа река, наконец, делается широкой. Правда, местами, мелковата, но вполне проходима. Берега высокие, с кустиками, сосенками – как в средней полосе. Попадается много красивых обрывистых песчаных берегов. Мы находим следы ночевки двух туристических групп. По мере того, как мы удаляемся от истоков, хариуса в реке становится меньше. Правда, попадается много окуней, каких-то нереально жирных.

Вечером мы празднуем месяц в походе.



Грибочки



Кстати, съедобные



Малосольный хариус с перцем и диким луком



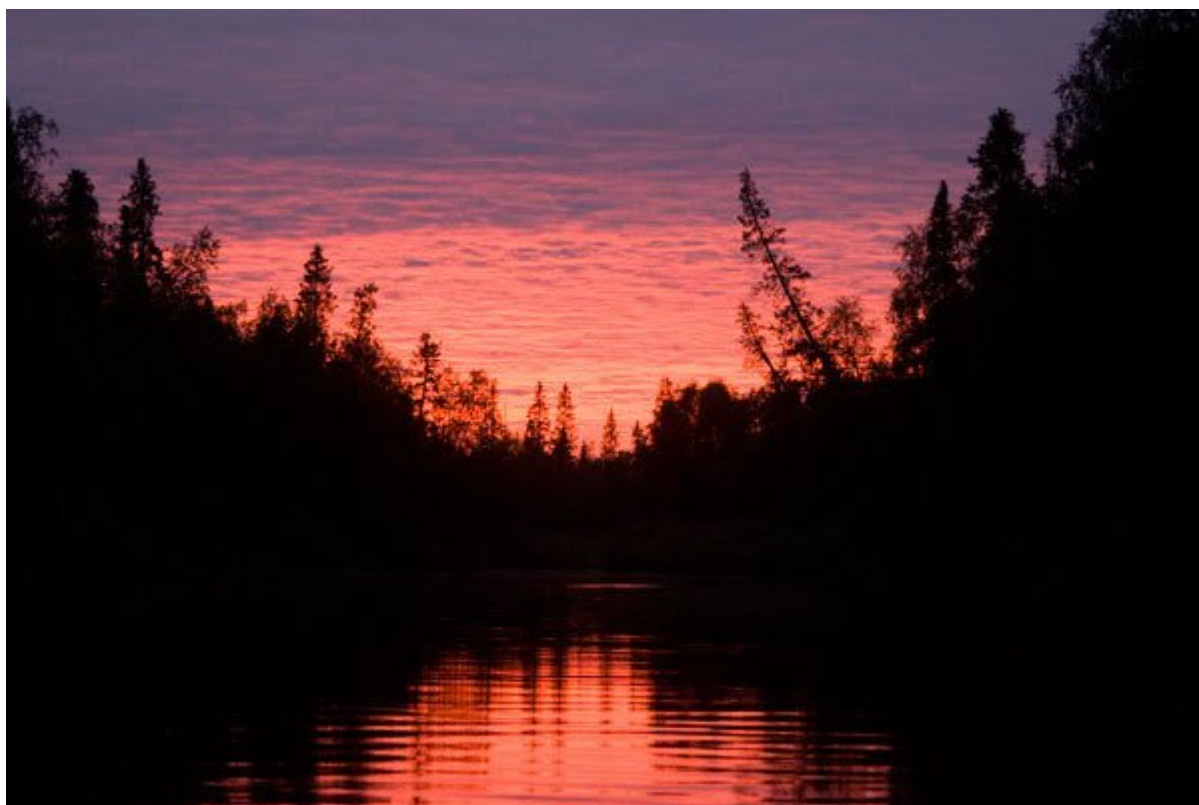
Ушица

6-го августа, сразу после отпльтия, мы проходим первый порог в моей жизни. Не очень сложный – как раз, для начала. Правда, пришлось совершить довольно ловкий зигзаг между камнями. Когда в нижней точке катамаран захлестывает высокая волна, мы с Димой в один голос говорим: «Эх... хорошо!»



Место ночевки на высоком склоне, перед порогом. Сам порог за поворотом, и уже отсюда его шум хорошо слышно

После этого река делается широкой и спокойной, но страшно петляет. Мы пересекаем место слияния двух речек, после чего уже плывем по самому Поною. Дима поймал щуку. Берега – сплошное болото, либо какие-то жуткие, непроходимые дебри – переплетающийся со стволами деревьев кустарник, свисающие бороды лишайника, неровная, вздыбившаяся ухабами почва. Настоящая тайга и апартаменты дядюшки Ау. Мы еле находим место, чтобы поставить палатку. По ночам уже практически темно, и в таком густом лесу не видно ни зги. Щуку мы зажариваем в муке, двух окуней запекаем в углях. Десять хариусов коптим. Рыба что-то больше не лезет.



Долгие северные закаты над рекой – необыкновенное зрелище



Стоянка в густом лесу









Подплывая к Краснощелью мы находим у реки небольшой балок, а в нем вот такой лук и арбалет



Краснощелье

9-го августа, в четверг, вечером, мы приплываем в Краснощелье.

На подходе к поселку происходит забавная встреча. Нам очень понравился пологий, поросший соснами бережок и мы с Димой вылезли, чтобы размяться. Неожиданно, к берегу подкатывает лодка, и оттуда высыпает с десятков молодых людей, возрастом от 14 до 18 лет.

Вежливо поздоровавшись, они интересуются, кто мы такие.

– Мы путешественники. Плыдем по Поною.

– А-а... А мы тут на доске катаемся. Хотите попробовать?

К лодке на длинной веревке действительно привязано удивительное приспособление, представляющее собой нечто вроде деревянных санок – фанерную доску с невысокими перильцами по бокам.

– Хотим конечно!

Первым удивительное катательное приспособление берусь опробовать я. Неуклюже запрыгнув на доску, когда лодка начинает разгоняться, я изо всех сил хватаюсь за бортики руками. По мере того, как скорость увеличивается, доска начинает, опасно покачиваясь, глиссировать, высоко подпрыгивая над водой. Я ужасно боюсь вывалиться, но ощущения просто потрясающие.

Вторым пробует покататься Дима. Попробовав слишком высоко подняться на ноги, он, к восторгу собравшихся, вываливается в повороте.



Дима на катательной доске



Сенокос неподалеку от Краснощелья. Вообще говоря, к 9-му августа сенокос уже должен был давно закончиться. Однако, в этом году, из-за ужасающе плохой погоды, которая стояла на Поное в июле, он только начался. Нам с Димой как всегда повезло – июль мы провели в горах, где было тепло и светило солнышко

Село Краснощелье – один из двух крупных населенных пунктов на реке Поной, представляет собой довольно своеобразное место. Дело в том, что, вообще говоря, не так уж и много по России мест, чтобы целых 530 человек жили в такой глуши. Автомобильное сообщение с поселком устанавливается только зимой, когда замерзают зимники. В остальное время года, единственная связь с внешним миром – небольшой местный аэродром. При стоимости билета на АН-2 до Мурманска в 2500 рублей и весьма скромных доходах местного населения не приходится удивляться, что большинство жителей поселка летом никуда не ездит.



Прибрежные сараи

Как вы помните, еще по дороге из Кировска, мы запаслись приветом от Вовы Мельника. С которым, как только слезли с катамарана, и пошли к указанному им Ване. Однако, дома у Вани обнаружили только его жену Вику – сам Ваня, которому предназначался привет, как выяснилось, лежал в больнице. Тем не менее, мы были встречены очень хорошо. Жена Вани немедленно организовала друзей, которые на машине помогли перевезти с берега наши пожитки. Останавливаться дома в отсутствии хозяина, естественно, было неудобно, – но нас пустил к себе пожить молодой тракторист Миша, у которого, как раз, родители были в отъезде. Вообще, гостеприимству северных людей не перестаешь удивляться.

Вечером мы идем не куда-нибудь, а звонить по телефону. Да, к нашему приятному удивлению, в Краснощелье есть телефон. Наследие советских времен, когда на Кольском была создана неплохая инфраструктура связи.

В населенном пункте несравнимо меньше комаров, чем в лесу, и мы впервые за несколько недель позволяем себе прогуляться в майках. В уютном вечернем свете заходящего солнца мы рассматриваем село. Краснощелье производит исключительно хорошее впечатление. Это какой-то архетипический, словно сошедший с картинки северный поселок, с аккуратными домиками, желтыми песчаными дорогами и торчащими то здесь то там лохматыми сосенками. Ни одной халупы или полуразвалившегося дома. Аккуратные дворы, ровные заборы, баньки на участках.

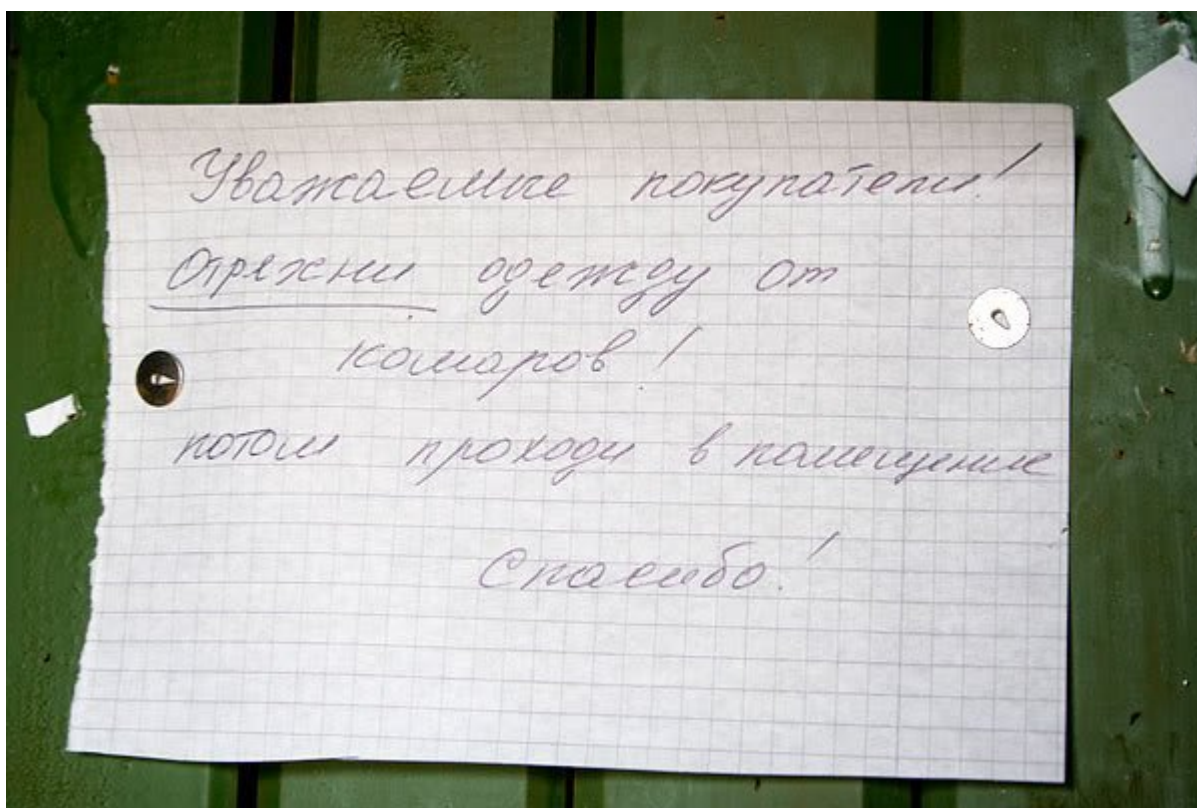




В последующем, это первое благоприятное впечатление только укрепляется. Причина – народ в Краснощелье живет довольно дружно и не очень бухает. А это, для нашей, увы, имеющей большие проблемы с алкоголизмом глубинки – немаловажный фактор. Мы звоним родным в Москву. Вечером, поужинав у Миши, ложимся спать.

Утром мы посещаем местный магазин. Надо сказать, до этого со встреченными нами велосипедистами произошел забавный случай. Продукты у них, в общем-то, были, но, как часто бывает в походах, им до ужаса захотелось чего-нибудь вкусного. Поскольку в Краснощелье можно добраться и из Кейв, они проделали довольно сложный путь километров в шестьдесят, чтобы купить шоколадку. Придя в поселок, шоколада в магазине они не обнаружили.

Шоколада действительно нет, с ним тут трудности, но всеми основными продуктами: крупами, мукой, макаронами, сахаром, чаем, тушенкой – мы закупаемся. Вообще, как нам объяснили местные, ситуация с магазином сильно зависит от того, насколько давно поселок посещал продовольственный самолет. Нам повезло – самолет был всего два дня назад, поэтому и с провизией проблем не было никаких.



Забавное объявление на входе в магазин

Ванина жена угощает нас клубникой – оказывается, на Кольском она вызревает безо всяких теплиц. Вполне себе сладкая.

Над рекой протянута на высоте, примерно, человеческого роста длинная веревка, на которой, как катафоты, укреплены сидишники. Оказалось, веревка помечает впечатляющий уровень максимального подъема воды во время весеннего половодья.



Характерный для здешних мест небольшой чум, называемый "куоксой", выстроен на участке, чтобы коптить рыбу



Лодочный мастер Артиев



Василий Игнатьевич Терентьев, бывший лесник, 75 лет, по национальности – Коми. По его словам, по-русски научился говорить только в 5-м классе, но с тех пор не может остановиться. Дедушка действительно любит поговорить, и расскажет вам о Кольском полуострове массу интересного

Зимник из Краснощелья ведет в поселок Октябрьский. Вечером мужики за рюмкой спирта рассказывают нам замечательную, произошедшую в 2006-м году историю, о некоем молодом человеке при деньгах, который коротким январским северным днем выехал из Кировска на «Ауди» покатасть даму сердца. Показать виды зимней природы, так сказать. Темнеет в январе быстро, и, в общем, в Октябрьском он поехал не в ту сторону. Поначалу, дорога казалась достаточно накатанной, но, вскоре, превратилась в типичный зимник: глубокая колея от грузовиков и ни малейшей площадки для разворота. Развернуть «Ауди» не имея при себе лопаты просто невозможно. Можно ехать только вперед. Они и ехали, пока не ощутили в полной мере, что эта дорога может никуда и не привести... А вдруг, она идет на какую-нибудь лесную вырубку?! Темнота, ветер, снег. Два дня они сидели в машине со включенным двигателем, ожидая, что появится какой-нибудь трактор и вызовет их. Но никто не появлялся. Наконец, бензин закончился и начало становится холодно. Тогда им ничего не оставалось, кроме как бросить машину и идти... По снегу, в одних кроссовках. Парень оторвал рукава от своей куртки и закутал девушке ноги.

В результате, пройдя в кромешной темноте около тридцати километров, парочка явилась в Краснощелье, где они, естественно, тут же стали местной легендой. По всей видимости, они уже не надеялись никуда дойти. Доковыляв до первого сарая, девушка упала и сказала что дальше никуда не пойдет. Он же добрел до ближайшего дома, где плюхнулся у порога на колени и рыдал.

Такая, вот, веселая история. Вообще говоря, этим двоим повезло. В Краснощелье пару лет назад был случай, когда провалившийся в воду в сильный мороз человек замерз, не успев дойти до поселка буквально трехсот метров.



Улицы украшают старые вездеходы различных моделей. Многие еще на ходу



Местная достопримечательность Краснощелья – старинный колокол



Огромные сани с обитыми металлом полозьями используются для перемещения грузов по зимникам

Нас угощают соленой семгой. В самом Краснощелье семга еще не ловится – она начинает встречаться только заметно ниже по течению, так что ловить ее ездят на моторных лодках. Надо сказать, тающая во рту, засоленная вручную семга того стоит. Нам рассказали про одного богача нового русского типа, который зимой периодически является в Краснощелье, и, метнув на стол дефицитных здесь деликатесов, типа свежих фруктов, осведомляется: «Мужики! Семга есть?!»

Как и во многих других местах, в Краснощелье электричество подают далеко не круглые сутки. Его включают утром на час, вечером – в зависимости от времени года. В августе подается в восемь, отключается в одиннадцать часов вечера, так что три часа в сутки жители села имеют возможность смотреть телевизор. Принимается две программы: первая и местное телевиденье. Правда, у кого есть деньги на бензин, пользуются переносными электростанциями, и дальше сидят при свете за свой счет. Миша из таких. Тракторист в селе – вообще-то, престижная профессия. Зимой трактористы неплохо зарабатывают на развозе дров. В доме ко мне ластится маленькая черная кошка, очень похожая на мою в молодости. Когда я приехал домой, выяснилось, что моя собственная кошка, пока меня не было, умерла.

Мы заходим в местный музей. Его директор – Вера Ивановна, приехала сюда из города, выйдя замуж за оленевода. В женщине есть коммерческая жилка: она организовала при доме культуры (где расположен музей) молодежный клуб, а теперь собирается делать в нем бильярдную. "Не могу сидеть, ничем не занимаясь, – говорит она. – Я бы с ума сошла. Вы напишите где-нибудь про Краснощелье! Что и тут люди живут". Действительно, живут. Не смотря на постепенно разваливающееся оленеводство, нищенские зарплаты в совхозе, из которых еще половину не получишь деньгами, – не смотря ни на что. Так что, можно сказать, что апокалиптический тон отчета об экспедиции Ивана Вдовина 1996-го года во многом не оправдывается.



Экспонаты местного краеведческого музея



Ивановка

Днем, 11-го августа, мы отплываем из Краснощелья. Отплыв недалеко от поселка, мы замечаем на берегу куюксу, а рядом с ней усатого мужчину с собакой. Вылезаем познакомиться. Человека зовут Александр, по профессии – оленевод. Через некоторое время выясняется, что он никто иной, как отец Вики. Мы сидим немного у него в куюксе, Александр угощает нас окунями, которые копятся под потолком.



Оленевод Александр



В куоксе

Оленей теперь не пасут, – рассказывает нам Александр. Летом они ходят по побережью, сами по себе. Зимой их стогняют в стадо, но, конечно же, потери, а главное – ужасное браконьерство. Из-за этого поголовье убывает с каждым годом.

Ночь мы проводим в небольшом домике с буржуйкой за Кривой Речкой, где я долго вожусь, пытаюсь при помощи пакета и липкой ленты заткнуть огромную дырищу в окне, сквозь которую летят комары. Предварительно я искупался в реке вместе с рюкзаком и одеждой, потому что, когда слезал с катамарана, ноги увязли в песке, и, закидывая на плечо тяжелый рюкзак, потерял равновесие. Час тридцать ночи – абсолютно темно. Мы рубим дрова в густом лесу, светя фонариком. Полярный день завершился окончательно.

К вечеру следующего дня мы приплываем в Ивановку. Село Ивановка расположено на склоне горы, которая носит малопроизносимое для русского человека, хотя и красивое саамское название **Чалмны-Варрэ** («Глаза леса»). Местные же часто предпочитают звать «Чалмны-Варрэ» и сам поселок.



"Глаза леса" – вполне подходящее название для удивительной красоты горы, у подножья которой расположился поселок. В таких местах ощущаешь душу северной природы.

Когда-то это было большое село, совхоз-миллионер. Здесь выращивали овощи, держали много овец. Поселок был выселен в 1963-м году в ходе хрущевского «укрупнения». Лет двадцать здесь вообще никто постоянно не жил. Тем не менее, здешние горы необыкновенно богаты на ягоду, а в рукавах, на которые тут распадается Поной, полно рыбы. В результате, Чалмны-Варрэ стало для местных из Крас-

нощелья чем-то вроде туристической базы – к тому же, и ехать досюда на моторной лодке всего несколько часов. Несколько домов поддерживаются во вполне жилом состоянии. Мало того, в последнее время появились и жители, которые проводят тут круглый год. Это баба Люба с мужем и человек, по имени Юра.

Юра встречает нас на берегу и выделяет нам для проживания довольно уютный дом. Бегающие по берегу собаки постоянно заглядывают в дверь.

Мы заходим в гости к бабе Любе и долго болтаем. Пожилая женщина, когда-то работавшая медсестрой, переехала сюда, когда ушла на пенсию. В домике я едва могу стоять в полный рост. В Чалмны-Варрэ нет электричества. Иногда баба Люба имеет возможность наблюдать в окно, как медведи перебираются через реку.

В ее возрасте она сама плавает на веслах, сама ставит зимой сквозь лунки сети подо льдом. Совершает многочасовые вылазки в горы собирать ягоды, в самое комарье. Удивительной доброты женщина. Разговорившись, мы сообщаем ей, что забыли в Краснощелье сковородку. Баба Люба немедленно приносит с чердака большую тефлоновую сковороду, совершенно новую, но с обломанной ручкой. «Это, – говорит, – мне подарили когда-то. Только, непрочная оказалась. Приехали как-то сюда мужики из Краснощелья. Ну, угостить надо людей. Я им решила грибов с картошкой поджарить. Насыпала, естественно, с горкой. И тут эта ручка – раз и обломилась! Всё на пол. С тех пор я этой сковородкой не пользуюсь!»

Сколько мы не уговаривали ее оставить сковородку себе, мол ей нужнее, сковорода, все же, была нам вручена.



Баба Люба угощает печеным окунем. Рецепт приготовления прост: окунь вместе со внутренностями и в чешуе кидается на раскаленную печку. Солить не надо – в рыбе же содержится собственная соль. Грязный бомж, притулившийся в углу – я

Было у бабы Любы два мужа. Второй утонул два года назад, увы, как это часто бывает, по пьяни. Теперь Люба доживает век с первым. Дед не очень хорошо говорит, после инсульта. Муж бабы Любы похоронен на местном кладбище. Веселый, говорит, был человек.

13-го мы переживаем в поселке дождливую погоду. Еще вчера вечером на моторной лодке приплыло несколько ребят. Днем заходят к нам и предлагают тушеного риса с лосем. «Откуда лось-то», – спрашиваем. «Да вот, зарубили». «Как?!» «Да топором». Мы прифигеваем. Оказывается, лось, к своему несчастью, переплывал реку, когда появилась лодка. Ребята, недолго думая, подплыли и дали ему про меж глаз топором. Такая, вот, охота.





Камень с петроглифами – достопримечательность Чалмны-Варрэ. Возраст этих рисунков оценивается в 2000 лет до нашей эры. Камень совершенно свободно валяется на берегу, и по нему можно даже ходить. Когда вода в Поное высока, его полностью заливает

Заходим в гости к дяде Юре. Человек, конечно, необычайный. Голова убиенного лося досталась ему в подарок. И вот, она второй день лежит на полу, истекая кровью и мозгами, а Юра сидит на кровати и читает Теодора Драйзера! Запомнилась его фраза, на вопрос, чего он не пользуется средствами от комаров.

– Комар – экологически чистый зверек. Комнатной атмосферы долго не выдерживает...

Надо сказать, этих экологически чистых зверьков здесь столько, что захватывает дух – кругом же болота. Баба Люба говорит, что в июне она каждый день выметает комаров с пола совком и веником.







Поселковое кладбище





Эта коряга с выростами, удивительно напоминающими человеческое лицо, которую называют "Колдун-дерево", торчит здесь, как минимум, уже пятьдесят лет. Тоже местная достопримечательность



И за Полярным кругом женщина вырастит цветочки



Баба Люба на веслах



Процесс починки сети

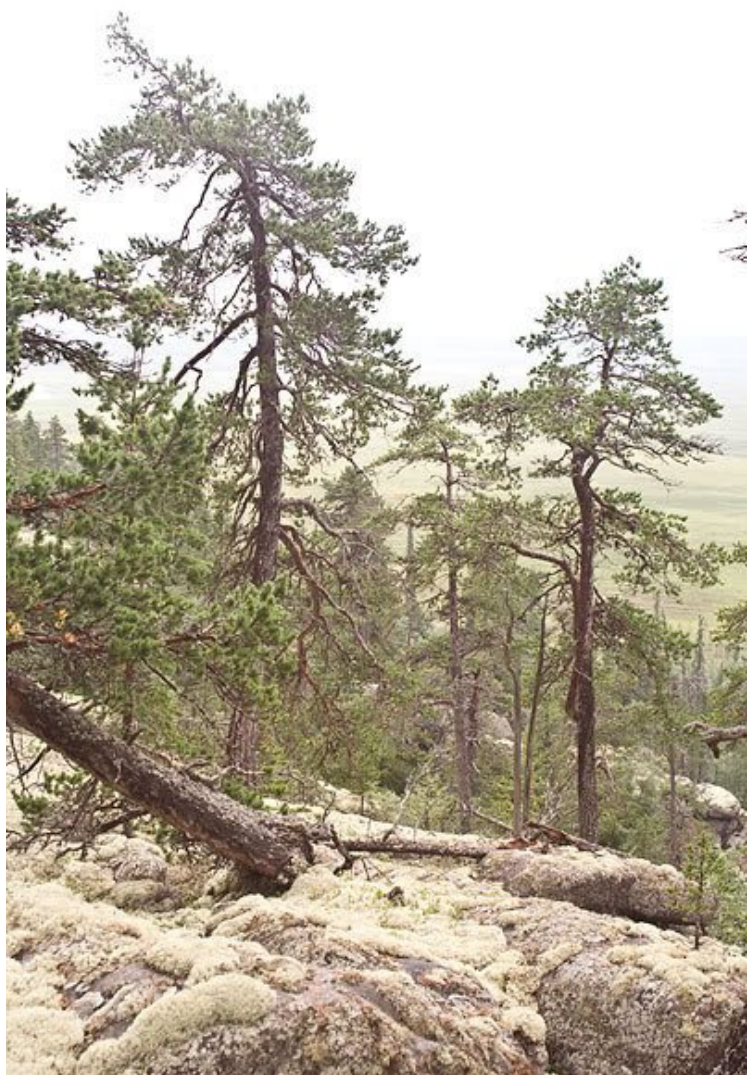


14-го августа мы отплываем из Ивановки и отправляемся смотреть расположенную неподалеку от поселка гору Коктór.

Это места такой удивительной, потрясающей красоты, что я, наверное, ничего не буду говорить, а просто предлагаю посмотреть фотографии.











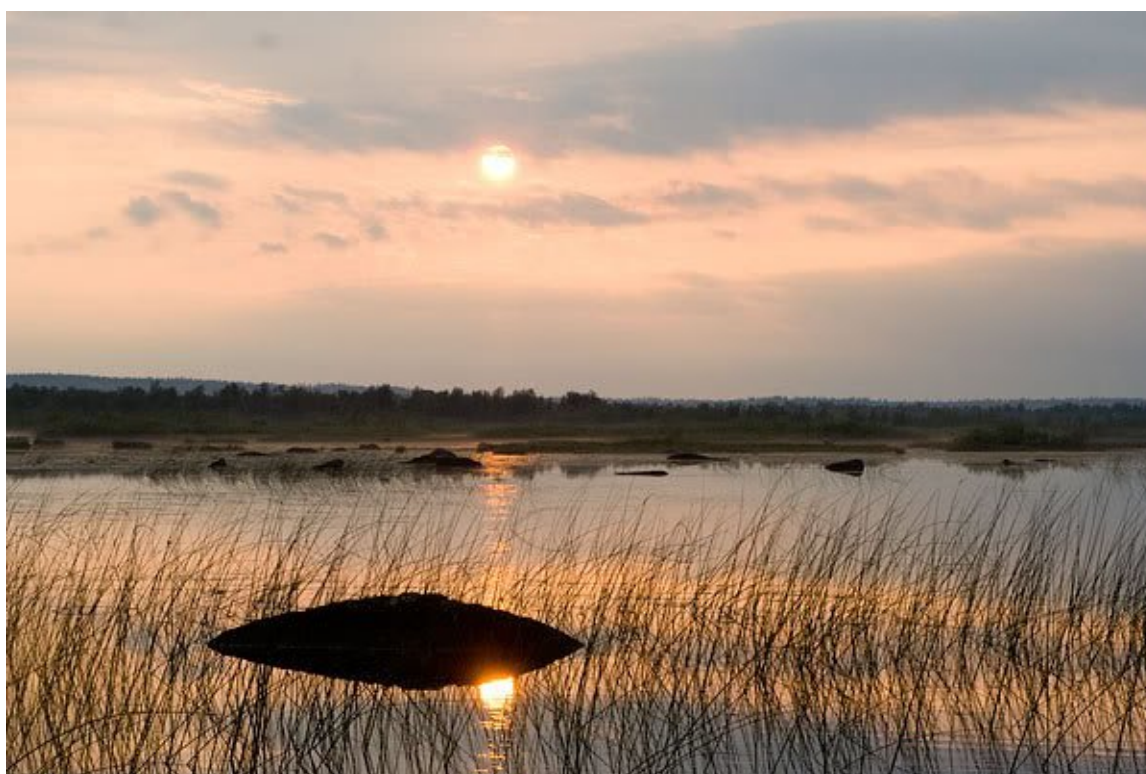




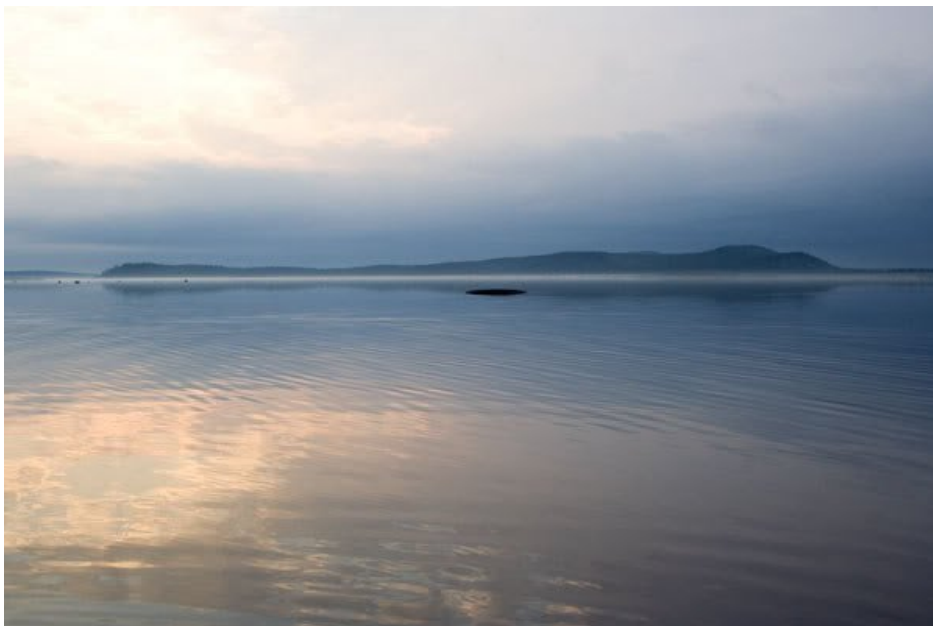


День 41-й, 14 августа, вторник Озеро Нижнекаменское

Вечером, с трудом продравшись через сложную систему протоков, в которых из-за ограниченного обзора и слабого течения ничего не стоит заблудиться, мы выплываем к озеру Нижнекаменскому (оно же Вулиявр). Мы попадаем в озеро аккурат на закате: заходящее солнце расцвечивает в золотисто-розовые тона узкую полоску тумана над водой. Зрелище необычайное. Повсюду над поверхностью высятся невысокие камни, над островками мелководья покачиваются длинные пучки травы.







Озеро довольно мелкое и буквально заполнено камнями: отсюда и название – Нижнекаменское. Попадают и такие камни, которые не торчат из воды, а скрыты неглубоко под поверхностью: в бурой, как и повсюду на Кольском, воде их не очень-то хорошо заметно. Остается только гадать, сколько в Нижнекаменском загублено лодочных моторов. А плавают сюда часто: озеро очень рыбное.



Особенно крупная щука, пойманная Димой. К сожалению, при поимке эта щука укусила его за палец, который после этого страшно распух и долго болел

На берегу озера стоит небольшой домик, часто используемый рыбаками из Краснощелья. 15-го числа мы оставляем вещи в этом доме и отправляемся исследовать расположенную на берегу озера гору Медвежью.

Что сказать. Здесь, пожалуй, даже красивей, чем в Кейвах. Поэтому, я снова выложу много фотографий, и предлагаю вам самим оценить удивительную красоту этих мест.

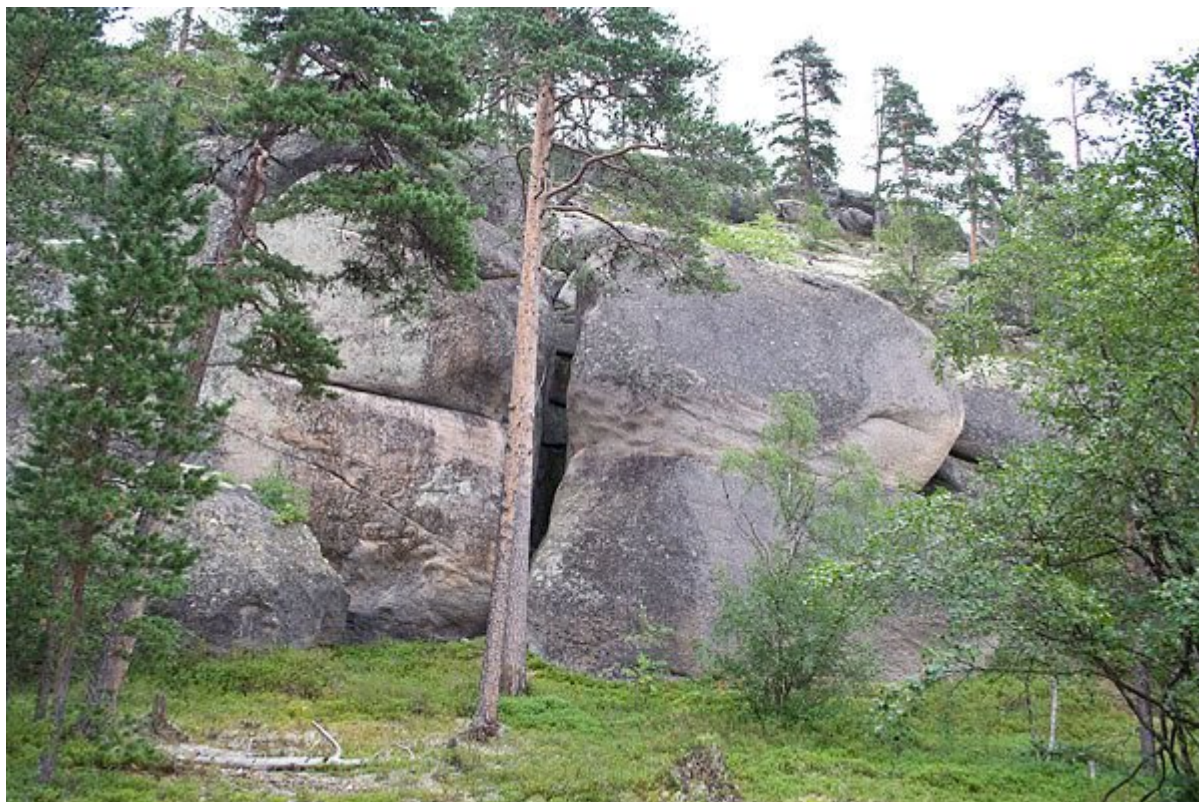












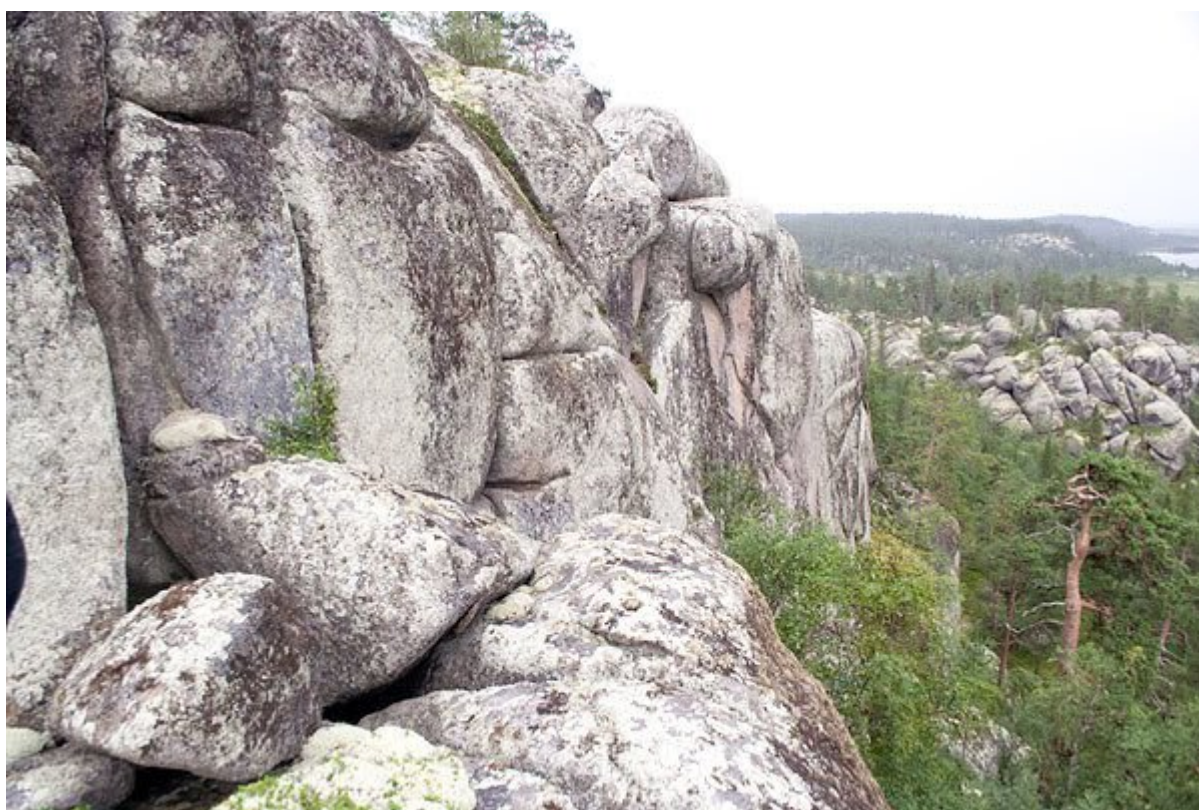


Сверху болото выглядит таким ровным и приятным...





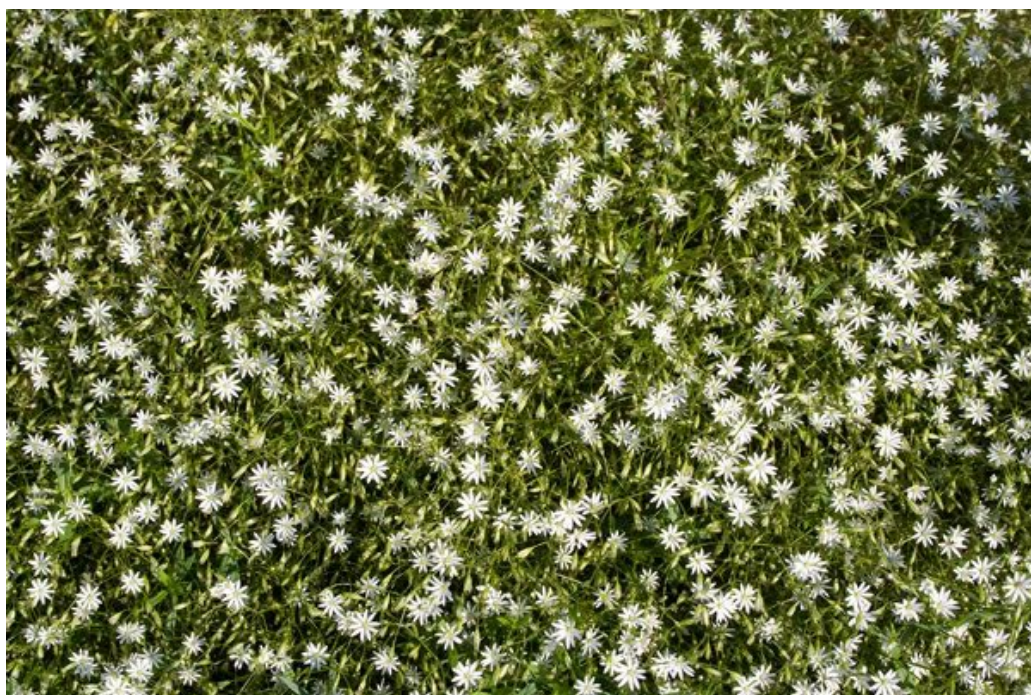
Ягода шикша (водяника) любит расти на плоских вершинах сопок, где нет больше никакой растительности, кроме мха, образуя вот такие плотные кустики. Сама по себе эта ягода совершенно невкусная, но баба Люба из Ивановки угощала нас морсом из шикши – получается почти как из черной смородины.







День 43-й, 16 августа, четверг
Озеро Нижнекаменское (продолжение)



Весь день мы посвящаем осмотру окрестных гор.



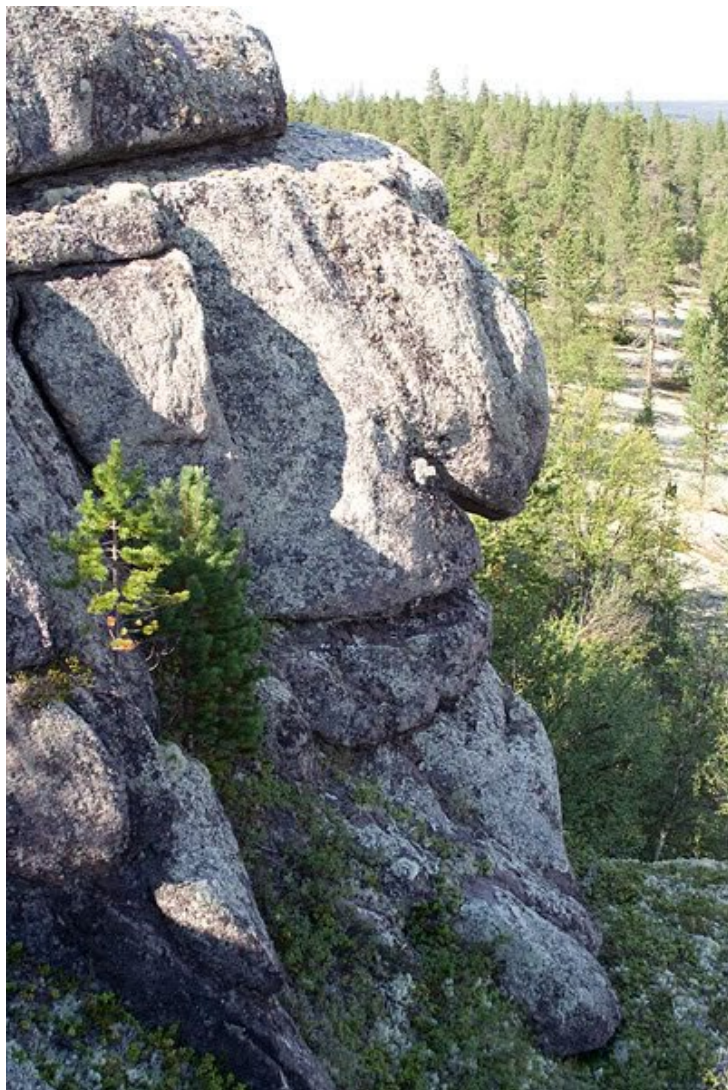
Странно истрескавшаяся скала



Подобные почти идеально круглые дыры в камне здесь встречаются нередко



Скала "Старуха"



Скала "Старик". Если мы, конечно, ничего не путаем



Вечером печем блинчики. Дима сбегал половить рыбу, и гигантская щука откусила крючок и блесну. Вернулся весьма раздосадованный. В домике, на полке, мы находим замечательную грамоту с таким текстом:

Награждается Данилов Валерий, ученик 5 класса, занявший III место в гонках на оленьих упряжках на дистанции 1600 м с результатом 3.48.05

15/II – 76 г.

Гл. судья

Таким образом, если посчитать, средняя скорость мальчика была равна 25-и километрам в час!



В доме



17-го августа мы хотим было выплыть, однако нас постигает неудача – поднимается сильный ветер. Нас, в общем-то, уже предупреждали, что на Нижнекаменском в ветер можно здорово застрять: по словам одних людей, они однажды просидели здесь неделю, так как даже на моторной лодке (!) были не в состоянии выплыть, – мощности мотора попросту не хватало. Увы, к этим предупреждениям мы не прислушались – иначе, наверное, не стали бы здесь так долго задерживаться.



Маска, которую мы соорудили из перьев и найденного на чердаке огромного щучьего черепа

18-го августа, измученные ничегонеделаньем, мы предпринимаем отчаянную попытку выплыть. Сил хватает только на то, чтобы отгрести от берега на сто метров. Осознав свою наивность, бросаем весла, и встречные волны и ветер снова прибавляют нас обратно буквально за пару минут.

Кукуем в доме, наблюдая в окошко, как ветер гонит по изрядно помутневшему озеру белые барашки. У ветра есть только одно преимущество – разгоняет комаров, которые по ночам буквально не дают спать.

19-го августа в 5 утра мы замечаем, что ветер чуточку стихает. Воспользовавшись моментом, быстренько собираемся и отчаливаем. Как выяснилось, вовремя. К 10-и утра, когда мы выплываем из озера, ветер поднимается с новой силой.

Три раза на дню нас мочит дождь. Мокрые до нитки, немного ссоримся с Димой, который пытается заставить меня, вдобавок к имеющейся рыбе, почистить еще трех окуней. Окуней чистить, сами знаете, какое удовольствие: чешуя у них словно приклеена «Моментом», а из-за острых плавников, не за что ухватиться.

- Чисти сам, Дима!
- Тогда ты собирай дрова для костра!

Вздыхнув, отправляюсь искать дрова под проливным дождем. В этот момент, к берегу причаливает лодка с тремя мужиками.

– Что, рыбу ловите?

– Не, не ловим, – хитро отвечаем мы, так как всегда начеку по поводу рыбинспекции.

– А чего чешуя на голове?

– Где чешуя? Где?

Мужики:

– Ха, ха, ха.

Мужиков трое – Иван и Эдик из Вологды, и Анатолий – местный из Краснощелья. Оказалось, неподалеку на берегу у них построена куокса. Мы заходим к ним, и они угощают нас хлебом, халвой и дают в подарок щуку. А одну мы поймали сами.



День 47-й, 20 августа

Из-за сильного ветра плывем очень медленно. Слазили на Девичью гору, – безлесную возвышенность, напоминающую лежащую у самой реки огромную черепаху.



Девичья гора

Вечером лезем на гору Заколдуньвая. Место, и правда, соответственно названию, какое-то магическое. Таких интересных скал я еще нигде не видел.







Окрестности Заколдуновой горы

Несмотря на то, что август уже перевалил за середину, мы с Димой продолжаем жестоко страдать от комаров. Все время в накомарнике. Репелленты уже кончаются. Из 40 (!) взятых с собой таблеток «Фумитокса» осталось только пять. Сидя на катамаране, постоянно приходится следить, чтобы на спине не задиралась куртка – комары не упускают своего случая.

Кусают в жопу без конца у тихой рощи,
 Весь в красных пятнах от мошки седой паромщик.
 Опять долги за «Фумитокс» – всё задолбало!
 Давно уж выпили всю кровь – а им все мало.

Ниже речки Лóсинги, небольшого притока Поноя, как считают местные, начинает ловиться семга. Мы ходим на берег и пытаемся поймать что-нибудь на спиннинг, но совершенно безуспешно.

Не останавливаясь, проплываем рыболовную базу на реке Лебяжьей. Это первая коммерческая рыболовная база на нашем пути. Надо сказать, рыболовные базы пользуются у местного населения дурной славой. Тому есть множество причин. Главная из них – река теперь разделена на рыболовные зоны; в зонах, принадлежащих коммерческим лагерям, местным ловить рыбу запрещено. Вообще, в рекламе этих лагерей для иностранцев, берега Поноя представляются «дикими, нетронутыми местами». В результате, администрация лагерей предпочитает вообще не видеть ни местных, ни туристов на своей территории. Чтобы не нарушали имидж дикости, так сказать. Говорили (за достоверность информации не ручаюсь) что пару лет назад возник конфликт между администрацией одного из лагерей и, расположенной неподалеку на стоянку, большой группой байдарочников. В результате, ребята были остановлены и завернуты назад. Вернувшись домой, весьма раздраженные сорванным отпуском, они подали в суд на рыболовный лагерь и выиграли дело.

Вторая претензия местных к рыболовным лагерям, – то, что они, якобы, выловили всю рыбу. Тут нужно отметить, что иностранцы занимаются чисто спортивным ловом рыбы, по типу «поймал-отпустил». Используются только разрешенные крючки, не слишком сильно повреждающие губы, брать рыбку можно только определенным образом, и т.д. Сфотографировался с трофеем и кинул обратно в реку. Это, впрочем, не снижает градус полемики: местные утверждают, что всю рыбу таким образом «перепортили». Скажем прямо: тут существуют разные мнения. Так, ихтиолог, с которым мы беседовали на одной из баз, сказал, что природоохранные мероприятия, начавшиеся приблизительно одновременно с появлением рыболовных лагерей, привели к росту поголовья семги в Поное за последние годы в 10 раз. До 90-х в реку заходило 5 тыс. рыб, сейчас - 50 тысяч, что подтверждается измерениями, опубликованными в журналах таблицами, в общем, объективными данными.

Кроме того, есть сведения, что нынешнему снижению популяции дикого лосося по всему миру (и семги, и горбуши) мы обязаны лососеводческим хозяйствам. А именно, искусственное разведение рыбы в больших количествах приводит к резкому размножению паразитов: так называемой лососевой вши, которая затем поражает в море дикую рыбу.

Позже мы ловили семгу с рыбаками в море и можем подтвердить: этих гадких черных рачков на морской рыбе действительно очень много.



Лежащая на дне реки мертвая горбуша, – рыба, которая, как известно, всегда отдает концы после нереста. В последние годы, по словам местных, в реку стало заходить все больше и больше горбуши. Поскольку, по сравнению с семгой, рыба, прямо скажем, не такая вкусная, это вызывает лишь раздражение

21-го августа, проплыв около 30 километров, мы останавливаемся пообедать. На берегу мы встречаем мальчика Володю и его маму Наталью, которые присматривают за местным рыболовным лагерем на реке Коряге. С ними собака рыбинспек-

тора Пронина, который тоже живет в лагере, но сейчас в отъезде. Пока мы болтали у реки, собака рыбинспектора нашла и съела Димины макароны. После чего, прониклась к нам такой симпатией, что бежала за катамараном по берегу до самого лагеря Пача.

Володя с мамой любезно соглашаются показать нам рыболовный лагерь.

Что тут сказать? Европейская чистота, уютная гостиная с камином, аккуратные двухместные домики, тропинки, мощеные плиткой. В окружающей нас глуши видеть такое даже немножечко странновато. С удовольствием пьем кофе с печеньем в столовой.



Воссозданная на территории лагеря национальная саамская изба, которую Володя, саам по национальности, показывает нам с гордостью

Иностранных туристов в лагере пока нет – рыболовный сезон только начинается. Но нам говорят, что, возможно, мы кого-нибудь встретим ниже по течению.

Запуганные рассказами местных, мы вообще не собирались посещать рыболовные лагеря, намереваясь проскочить их по-тихому. Однако, после столь радушного приема мы немного осмелели.

Причин, по которым мы опасаемся рыболовных лагерей, собственно, две. Первая, там нередко сидит рыбинспекция; вторая – там могут оказаться инспекторы ГИМС (Государственная Инспекция по Маломерным Судам). Как известно, согласно недавно введенным идиотским правилам, регистрации в ГИМСе теперь подлежит любое речное судно: даже самый распаршивенький катамаран. Наш, естественно, нигде не зарегистрирован, что, потенциально, источник больших неприятностей. Ну и, конечно – у нас есть с собой спиннинг, но нет лицензии на рыбную ловлю.

Вообще говоря, мы с Димой всегда считали, что если вы преодолеваете по реке на гребках добрую тысячу километров, и вся ваша еда – это то, что с собой в рюкзачке, вы можете позволить себе половить рыбы без лицензии, просто для того, чтобы пожрать. Я понимаю, что это спорная точка зрения, но мы так думаем.



Вечером мы заезжаем в лагерь на Паче. По дороге, в уже сгущающихся сумерках, мы слышим на берегу цоканье. Через некоторое время появляется скачущий олень, а за ним бежит собака рыбинспектора Пронина. Да, чувствуется, что даже в отсутствие хозяина она не сидит без дела.

Пача – действительно большой лагерь, гораздо больше чем Коряга. Здесь есть даже небольшая водонапорная вышка. Большущая столовая, множество хозяйственных помещений. Дима всерьез намеревается попросить у кого-нибудь блесну, взамен той, что утащила щука на Вулиявре. «Ага, ты прямо к начальнику лагеря подойди и попроси», – острою я. Однако, тут нужно знать Диму. Он таки действительно ее попросил! Следующим шагом, видимо, будет попросить блесну прямо у рыбинспектора.

Начальник лагеря оказывается очень адекватным человеком, персонал вежлив. Нас угощают вкусным ужином в столовой, правда, говорят, что на ночь оставаться нельзя – мол, в лагере не допускается присутствие посторонних. Ну, нельзя так нельзя, это нам абсолютно неважно. Правда, по ходу разговора все время пугают. Особенно позабавил вопрос:

- Как вы сюда проскочили?

Ага, вот, прямо, куст на голову надели, и ползком, ползком, как разведчики в кино.

- Да никак не проскакивали – проплыли, да и всё.

Удивление в глазах.

- И что, вас никто не остановил?
- Никто.
- Ну, вам повезло, ребята!

Вообще, опасности Поноя, о которых вам будут рассказывать и в рыболовных лагерях, и в поселках, это отдельная тема, жанр местного фольклора, так сказать, и его нужно рассмотреть здесь поподробней. Итак:

ПОНОЙСКИЕ СТРАШИЛКИ

Страшилка №1. Поной закрытая зона, нерестовая река, нахождение здесь необходимо получать специальное разрешение. Вот, у нас есть знакомый профессор, орнитолог, так он с женой каждый год аккуратно получает разрешение, и его никто не задерживает.

Реальность: старенький профессор, может, по привычке, до сих пор и получает разрешение, но, что касается необходимости этой бумаги, это просто неправда. Как объяснил нам рыбинспектор в селе Поной, поскольку значительная часть реки выкуплена в пользование коммерческими рыболовными лагерями, специальное разрешение на нахождение здесь давно уже не требуется.

Страшилка №2. Вас поймает ОМОН. Могут заловить, побить, уложить пузом в реку, отобрать лодку или катамаран. Одного деда приковали наручниками к березе и ушли.

Реальность: судя по всему, эпизодические рейды ОМОНа действительно иногда случаются. Однако, он значительно более частый гость на тех нерестовых реках, где существуют удобные подъезды к воде, и можно приехать на вездеходе и браконьерствовать по-крупному: например, на Иоканьге. На Поное, где нет летних автомобильных и вездеходных дорог, вероятность встретить ОМОН невелика.

Страшилка №3. Рыбинспекция и ГИМС. Конфискуют плавсредство, и эвакуируй-тесь с реки, как знаете. Хоть пешком... А кого волнует?

Реальность: ну, с рыбинспекцией, мы сами повстречались нос к носу в конце нашего плаванья. Нормальные, в общем-то, мужики. Рыбы они у нас не нашли, придираться к чему-то другому не стали. Насчет ГИМСа не знаем, но, думаем, и это тоже люди и с ними можно договориться.

Страшилка №4. Бревенный порог в конце реки очень опасен.

Реальность: вот это, действительно, чистая правда. Очень опасный порог: длинный, с большим количеством камней и высокой скоростью течения. Единственный реально опасный порог на всей реке. Мы с Димой неосмотрительно сунулись во второй его каскад, в результате чего я упал с катамарана и мог бы, наверное, утонуть.

№5. И, наконец, самая главная страшилка: великие и ужасные Пограничники в Конце Реки. Задержат, отберут плавсредство и вещи, запрут в карцере, и будете две недели работать на них за тарелку каши, «до выяснения личностей».

Реальность: ситуация с пограничной зоной действительно постоянно меняется, и, главное, достоверную информацию об этом практически невозможно получить, даже находясь непосредственно на реке. Нам повезло, и пограничную зону в устье сняли аккурат в июне этого года. В результате, мы очень мило пообщались с пограничниками, и никто даже не думал нас задерживать. Однако, думаю, даже если бы пограничная зона не была снята, все обстоит не так страшно, как описывается. Как сказали нам пограничники, мы, конечно, были бы задержаны, но отделались бы каким-то там штрафом.

Вообще говоря, за время наших походов мы с Димой научились критически относиться к получаемой нами информации. Тем не менее, как ни крути, но из лагеря мы выходим с таким чувством, что не знаем точно, удастся ли нам доплыть до конца. Помощник директора Саша покопался немного в своем домике и подарил Диме большую желтую блесну, на которую мы потом и поймали свою первую семгу.



День 50-й, 23 августа, четверг Каневка

Проходим так называемый Жениховский порог. Это, вообще, порог? Его проплывет даже ребенок в надувной ванной, загребая резиновым утенком. Особенно порадовала фраза одного из туристических отчетов: «Порог на байдарке проходим».

Повсюду из воды с громким плеском выпрыгивает рыба. Мы долго не могли понять, зачем семге так высоко выпрыгивать из реки. Потом нам сказали: ударяясь о воду, сбивает с себя лососевую вошь.

Изловчившись, вылавливаем, наконец, семгу. Причем, сразу огромную! Весит, наверное, килограмм восемь. При поимке такой большой рыбы крайне сложно вытаскать ее из воды. Однако, самец был какой-то вялый, мы без труда подвели его к берегу, вытянули из воды и дали камнем по кумполу.



Ну, наконец-то! А то мы уже думали, что проплывем весь Поной, а собственной семги так и не отведаем

Семга (дикий атлантический лосось), вообще, очень интересная рыба. Она живет как в пресной, так и соленой воде. Когда она заходит в реку, она начинает готовиться к нересту. Семга, плавающая в океане, имеет серебристую чешую и ярко-красное мясо, и такая рыба считается самой вкусной. При подготовке к нересту в рыбе происходят изменения: чешуя обрастает эпителием и делается красной, а мясо, наоборот, бледнеет, у самцов отрастает клык. На языке местных это называется смешным словом: говорят, что рыба «лошает». А семга с красной чешуей, соответственно, называется «лохом». Интересно, что в отличие от горбуши, семга не запрограммирована жестко на умирание после нереста. Большая часть рыбы, действительно, умирает, однако, 5% выживает и возвращается в океан. При этом, все

произошедшие изменения «откатываются»: чешуя снова делается серебристой, исчезает клык.

Лох заметно менее вкусен, чем океанская рыба: мясо не такое жирное и нежное. Однако, мы довольны и тем, что выловили.

Голова рыбы такая большая, что ее приходится рубить топором, чтобы засунуть в котелок. Жирность получившегося бульона такова, что к утру он застывает, словно студень.

Мешают что-то в котелке у тихой рожи,
Наверно, семгу изловил седой паромщик...

Мы два дня не можем уесть эту рыбину: жарим так, жарим сяк, варим уху, делаем хе, а она все не кончается! Два килограмма засолили.



По берегам встречаются аккуратные стояночки: либо большая палатка с земляным полом и печкой-буржуйкой, либо навес со столом и скамьями. Туристов привозят на вертолете ловить рыбу рано утром, забирают в шесть вечера. Днем их на лодке везут на эти стоянки обедать. Соответственно, вечером стоянки свободны. На одной из таких мы остановились. Чувствуется присутствие иностранцев: в кустах находим припрятанную решетку для барбекю. Поэтому, мы прозвали это место «урочище Барбекю». Допили остатки спирта. Несколько перебрали: чрезмерно развеселившись, позабыли в углях димину сковородку и спалили ее. Алюминий расплавился, а лежащий внутри хариус просто испарился: от него не осталось даже углей. Пороняли казенные крючья от котелков в костер. Дима, потом, утром ползал и откапывал их в золе. Пить вредно, блин.



Ночи стали холодные: утром замечаем, что комары начинают исчезать. Наконец-то! Мы уж и не чаяли, что наступит такой момент.

24-го августа подплываем к Каневке: второму крупному населенному пункту на Поное.

Едва сходим на берег, начинается сильный дождь. Знакомимся с мальчиком Пашей, который ходит по поселку, волоча за собой на веревочке вырезанный из деревянной чурки вездеход. Мальчик рассудителен и не по годам серьезен. Запомнилась его фраза в беседе о семге: «На желтую блесну месяц назад чисто ходила, а сейчас всё уже: переход на другие цвета».

Паша ведет нас к родителям: Татьяне и Николаю. Татьяна работает поселковым врачом, а муж у нее санитаром. Приветливо встречают нас, располагают жить у себя. Вечером, впервые за долгое время, идем помыться в баню.





Длинный навесной мост через речку Юганька



Каневка не произвела на нас такого же благоприятного впечатления, как Краснощелье, хотя, мы понимаем, что тут есть немалая доля субъективизма. Множество бытовых проблем, народ здорово пьет. Татьяна и Николай, вместе с двумя детьми, из-за отсутствия жилья, долгое время были вынуждены ютиться у себя в медпункте, где они кстати, сами сделали ремонт, за который им до сих пор не заплатили. В этом году из медпункта их выперла районная комиссия, в результате чего они вынуждены были переехать в халупу с выбитыми стеклами, покосившимся полом и

протекающей крышей, где больше никто не желает жить. У дома плохая история: раньше здесь жили два брата; потом один, по пьяни, зарубил другого топором.



Интерьер дома, выделенного под проживание Татьяне и Николаю



В Каневке мы переживаем плохую погоду. Дима зря времени не терял: сходил с Пашей на местную помойку и из крышки от кастрюли и днища от электрического чайника изготовил себе новую сковородку, для закапывания в угли.

Николай, когда-то, на заводе, работал слесарем. Мы имели возможность пронаблюдать, как он из консервных жестянок, при помощи молотка, плоскогубцев и напильника, за пару часов изготовил двухцветную блесну, по виду ничем не отличающуюся от магазинной.

Заходим в гости к Владимиру Алексеевичу Орехову. Ветврач, работал в тундре у оленеводов. Был менеджером в лагере на Рябоге (один из первых коммерческих рыболовных лагерей). Знает здешние места, как свои пять пальцев. Очень интересный человек. Две недели назад у Владимира Алексеевича умерла жена. Но он общался с нами, рассказал много любопытного. Когда-то, говорит он, жизнь была просто прелестная. Зарплаты, по советским меркам, были огромные: одно время, работая бригадиром, получал побольше иного директора завода. При этом, ходил по тундре и по горам, занимался любимым делом. Здешние магазины, кстати, на фоне советского всеобщего дефицита, поражали изобилием продуктов. Теперь, конечно, все не так...

26-го числа, в 7 утра Каневку на лодке проехали три человека рыбинспекции. В поселке задерживаться не стали, нами не заинтересовались, хоть катамаран и стоял у реки. Направились, возможно, на Ачу, или в Колмак.

День 53-й, 27 августа, понедельник

Погода, наконец, налаживается, и в 9-30 мы отплываем из Каневки.

Непосредственно за Каневкой расположены очень большие плесы, которые бывает невозможно пройти в ветреную погоду. Но нам повезло, ветра нет, светит солнце.





За Каневкой берега Поноя становятся высокими и скалистыми





Проплываем рыболовные базы Ача и Колмак. Ни одного человека даже не вышло на нас посмотреть (а как пугали в Паче!)

Колмацкий порог – сущая безделица. Мы с Димой, постепенно, приходим к выводу, что на Поное сложных порогов нет.

Перед Рябогой встречаем лодку. Внутри два человека, один постарше, один помоложе, в темных очках, видимо, гид.

- Здорово, братцы!
- Здорово.
- Как дела?
- Нет по-русски.

Могу и по-английски, но, по лицам вижу, что люди не горят желанием с нами общаться. Плыдем дальше.

Иностранцы ловят рыбу исключительно на мушку, методом, который называется «нахлыст». Для ловли используются специальные очень длинные спиннинги. При вертикальном взмахе им, леска описывает в воздухе красивую кривую, напоминающую траекторию хлыста (отсюда, видимо, и название). Правда, почему этот способ считается обязательным в спортивном лове, для нас, ловящих рыбу исключительно, чтобы пожрать, загадка.

Рябогу, самый большой на Поное рыболовный лагерь, где, по слухам, может стоять рыбинспекция, проплываем с опаской. На часах 18-30. Никто снова не обращает на нас ни малейшего внимания.

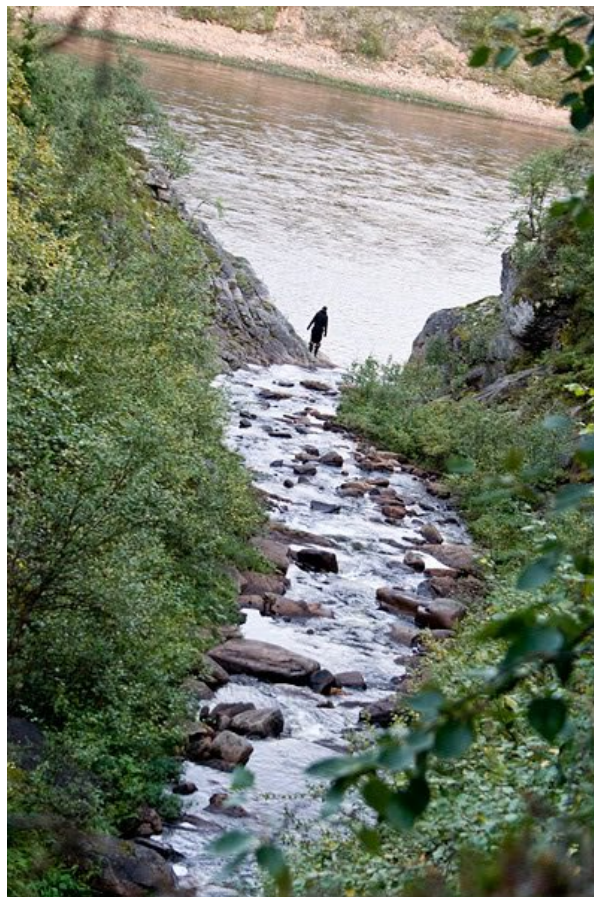
К вечеру начинаются, видимо, сложные, с точки зрения байдарочника пороги, но на катамаране они проходятся безо всякого труда. Ночуем снова на стоянке, принадлежащей лагерю.



29-го августа нас настигает удар экстрима. Дует жуткий встречный ветер, и, несмотря на высокую скорость течения, мы вынуждены все время, выбиваясь из сил, грести. Страшно выматываемся. Дима говорит, что сегодня он понял этимологию названия реки. Ага, «Поной, Поплачь»... В качестве передышки идем смотреть во-

допад на берегу. Все местные водопады окружены высокими завалами из больших камней, подобраться к ним довольно сложно, но виды невероятно живописные.







Снова встречаем лодку с русским гидом и молодым парнем-иностранцем. Эти гораздо приветливей. Поздоровавшись с гидом, я заговариваю с иностранцем по-английски:

- Как рыбалка?
- Так себе.
- Из-за ветра?
- Да.
- А мы тут путешествуем.
- Давно?
- Два месяца уже.
- Ого!



Еще один водопад по пути





Вечером к ветру прибавляется еще и дождь. Мокрые до нитки, мы гребем изо всех сил, но за полчаса проплываем от силы метров пятьсот. Самая изматывающая гребля за все путешествие.

На берегу Бревенного нас, иронично улыбаясь, уже встречает, заранее оповещенный о нашем прибытии, менеджер лагеря Николай. Ведет покормить в столовую. Мы едим в столовой для персонала, но даже здесь на столе арбуз, йогурты, ветчина и другие невиданные в здешних местах разносолы. Впечатление такое, будто мы переместились в другую реальность. А в меню для иностранцев, вообще, говорят, чего только нет. Все продукты привозят сюда на вертолетах. Что, впрочем, неудивительно, учитывая, что недельный тур в этих лагерях стоит от восьми тысяч долларов. Шеф-повар Павел нанят из московского ресторана. Угощает нас суши из семги с кусочком имбиря. Пьем водку, слушая рассказы ихтиолога Сергея, который читает лекции о рыбе, в качестве культурной программы для иностранцев.

Персонал лагеря – отличные парни. Особенно впечатлил Берндт – немец, уже три года путешествующий по России. Очень, говорит, люблю русский север. Овладел русским в совершенстве, говорит так, что практически невозможно заметить акцент. Вот, пристроился поработать в лагере. Ребятам приходится месяцами жить

в тесном коллективе на изолированной от внешнего мира базе. Чтобы не переругаться, договорились встречаться и болтать только вечером, за ужином, в столовой, как в кают-компании. Днем, во время работы, никто друг к другу не подходит.

По отъезду, Павел щедро одарил нас кучей продуктов. Все переживают, как мы пройдем Бревенный порог.





Знаменитый Бревенный порог состоит из трех каскадов. Первый, как нам объяснили, обманчиво легкий, и пройти его легко. Второй, ну... пройти его можно. Третий? Ребята, вы же не самоубийцы?

На пороге погибла куча людей. Василий Игнатьевич из Краснощелья припомнил случай, когда в тридцатые годы однажды разбилась лодка и утонуло одновременно аж двенадцать солдат. Название «Бревенный», как считается, произошло от того, что кто-то увидел, как течение ломает, словно спички, попавшие в порог толстые бревна.

Всего каких-то полчаса гребли и мы оказываемся на пороге. Довольно мрачное скалистое ущелье, яростный шум воды. Мы осматриваем первый каскад и заключаем, что он, действительно, ничего сложного из себя не представляет. На всякий случай, привязываем весла веревками.

Доплыв до второго каскада, мы на некоторое время останавливаемся в задумчивости. Плыть дальше или нет? Каскад выглядит сложным, много камней, но, на вид, ничего особенно страшного в нем нет. Прикидываем траекторию движения, отмечаем для себя опасные места. Смотрим, где пристанем к берегу. Садимся на катамаран и отплываем.

Течение увлекает нас. От непривычно высокой скорости захватывает дух. Мы замечаем, что доплыли уже примерно до середины.

В этот момент катамаран налетает на большой, полускрытый под пеной камень и накренивается под сорок пять градусов в мою сторону. Не удержавшись, я съезжаю в воду.

– Держись! – орет Дима.

Я успеваю ухватиться за доски палубы. Бултыхаюсь в воде. Течение постепенно разворачивает катамаран, и сейчас его снесет с камня. Перебирая руками, удастся забраться наверх, но в воду начинает съезжать мой рюкзак.

– Рюкзак! Держи рюкзак!

Течение, наконец, разворачивает катамаран и нас снова несет. Я успеваю втянуть рюкзак наверх, но веревка весла запутывается в нем. Вокруг все кипит, вода бела от пены, мимо мелькают огромные камни. Нас несет боком. Веревка весла запутывается безнадежно. Хриплю от натуги, но почти не могу грести – развернуть катамаран никак не удастся. Понимаю, что если в таком положении нас снова нанесет на камень, мы выпадем уже оба.

В этот момент, каскад неожиданно кончается. Пронесло.

Мы немного сидим, отходя, на берегу. Потом идем посмотреть на третий каскад. Он представляет собой жуткую мешанину из камней, ревущей воды, пены и небольших водопадов. У всего этого впечатляющая длина метров в пятьсот, плюс триста метров менее опасного участка. Вздохнув, снимаем с катамарана ящик с продуктами и рюкзаки, и начинаем перетаскивать их, прыгая по скалам. Управившись с этой работой, долго проводим катамаран вдоль берега при помощи длинной веревки и шеста. Опять таки, при этом все время приходится лазить по огромным береговым камням – с обеих сторон ущелья отвесные скалы. Перенос вещей и проводка катамарана занимает добрых два часа.

Надо сказать, что вопреки распространенному мнению, порог проходим. Многие, правда, считают его непроходимым на байдарках. Однако, в рыболовном лагере клянутся, что собственными глазами видели, как двое каких-то безбашенных чуваков штурмовали Бревенный на желтой надувной (!) байдарке, которую при этом изгибало и жутко колбасило. Жалко, не все любят оставлять в интернете отчеты о своих приключениях.

И мы бы могли попробовать пройти Бревенный полностью, если бы у нас было снаряжение. Но мы не брали с собой ни касок, ни спасжилетов. Без этого, соваться в третий каскад – безумный риск.

После порога долго отдыхаем, едим выданную на базе колбасу и сникерсы.



Дима позирует с выданными на базе продуктами

Село Поной

После утреннего прохождения Бревенного порога мы весь день плывем к селу Поной.



Временами мы забираемся на высокие прибрежные скалы, чтобы осмотреть реку сверху



30-е августа. Над Пономем осенние краски



И снова водопад по пути









Довольно редкая встреча – увидеть росомаху. Это осторожное животное нечасто попадает на глаза посреди дня. Проплывая на катамаране мимо высокого склона, мы застали росомаху, бредущую куда-то по своим делам. Первое время она нас не замечала. Потом, увидев катамаран, развернулась к нам задом и стала торопливо карабкаться наверх. Росомаха считается опасным хищником и местные опасаются встречи с ней

Вообще, по пути из Каневки до Поноя нам попадалось немало всякой живности. Время от времени на воду садились стаи лебедей, правда, близко к себе подплывать не давали. Видели пару раз даже орлана-белохвоста: очень редкую птицу, которая здесь тоже водится.

Не доплыв пары километров до села, замечаем у берега лодку и двоих мужиков, выходим поздороваться – и, опа! – один из них оказывается рыбинспектором. Да еще не просто, а начальником районной рыбинспекции. Осмотрел наш катамаран, пощупал рюкзаки – рыбы не нашел (хотя глубоко, глубоко внутри моего рюкзака было-таки припрятано два кило засоленной семги). Вторым человеком оказывается Алик – сторож из села Поной. Рыбинспектор, кажется, не верит, что я действительно искупался в Бревенном пороге и остался жив.





Мы подплываем к селу. Вдоль берега стоят аккуратные, отремонтированные домики – но это лишь видимость. На самом деле, в селе никто не живет с 60-х годов. Вот, что пишет об этом месте путешественник Иван Вдовин:

Одно из самых древних, испокон веков богатое, с интереснейшим прошлым, поморское село Поной всегда притягивало к себе многочисленных торговцев, путешественников, историков и различных ученых со всего света. Но история этого села, как и всех поморских сел и становищ к северу от Поноя, внезапно оборвалась решением партийного руководства области о не перспективности поморских сел. Что послужило истинной причиной такого постановления, для меня до сих пор остается загадкой. Депортация жителей всего северного побережья Кольского полуострова проходила по гениально простой схеме. На примере села Поной это выглядело следующим образом: «...Постепенно, методично принимались меры поставить народ перед фактом – жить в Поное нет возможности. Подталкивали умирание села: умышленно сворачивали службы и организации, лишали людей элементарных удобств: из школы десятилетки сделали семилетку, четырехлетку, а потом и вовсе закрыли. Из больницы сделали фельдшерско-акушерский пункт, а потом и медпункт закрыли. Позже закрыли почту, магазин и прочее. Но это еще не все. За всю историю существования этого древнего края люди не испытывали такого позора и унижения. Их, веками живших рекой и морем и общавшихся водными путями по всему поморью, разъединили пограничными зонами. Чтобы выехать из реки в море или заехать обратно – пусть попросят, поунижаются специальных пропусков. А с появлением рыбнадзора лишили и рыбного промысла. Довели до того, что рыбак стал бояться поставить на стол кусок семги. Вот и начали люди бросать нажитое годами, заколачивать дома и кто куда перебираться в другие села и города». *Из письма бывшему жителю с. Поной В.П. Долгих от брата.*

Побывав позже в Мурманском краеведческом музее, мы с Димой наткнулись на интересную информацию: оказывается, в 1855-м году англичане напали на село

Поной. И ведь не лень же было плыть! Теперь здесь живет один единственный человек.

Однако, есть, видимо, что-то такое в этом месте: что выселенное пятьдесят лет назад село до сих пор стоит и не исчезло полностью с лица земли. В советские годы старинные дома охраняла от разорения и поджогов расположенная неподалеку большая военная часть. Потом не стало и ее: но тут одному из бизнесменов, управляющему туристическим рыболовным промыслом, пришло в голову сделать из села рыболовную базу в «традиционном стиле». Оставшиеся дома отремонтировали, построили сауну, столовую, и поселили сторожа все это охранять.



Вдоль центральной улицы села ведет довольно высокий настил из досок



В дальней части поселка стоит несколько неотремонированных полуразвалившихся домов



На поселковом кладбище





В селе Поной расположен один из знаменитых лабиринтов Кольского полуострова – очень древних сооружений, назначение которых теперь не вполне ясно. Лабиринты Беломорья, как считается, построены приблизительно в I тыс. до н.э. Летом общий рисунок камней не особенно хорошо различим из-за травы

Мы попросились у сторожа, азербайджанца Алика, пожить денек в селе. Сказали, что хотим после пойти посмотреть Терско-Орловский маяк, а потом вернуться. Алик – человек хороший, поселил нас в довольно приличном доме, хоть и ворчал, что «не положено». Правда, немного странноват. Спрашиваем:

- А можно мы часть вещей оставим? Тяжело ж все с собой таскать.
- Нет! Вещи оставлять нельзя! Я не хочу нести за них ответственность.
- Да мы оставить-то хотим только старые шмотки. Кому, кроме нас, они нужны.
- Нет, нет! Нельзя.

В итоге, кончилось тем, что мы по-тихому спрятали вещи на чердаке.

По слухам, в доме, где мы жили, останавливался побывавший в 96-м году на Поное Ельцин. Дом действительно хороший: внутри очень чисто, две комнаты, большая печь, стол и старинный шкаф. По вечерам, когда Алик заводит генератор, есть свет.

Рыбинспектор, с компанией, дожидаясь вертолета, жил в доме сторожа, периодически заглядывая к нам и спрашивая, все ли у нас в порядке.





День 57-й, 31 августа **Заброшенная военная часть**

Мы переплываем реку, с трудом, загребая против течения, огибаем отвесную скалу, и, оставив катамаран на каменистом берегу, поднимаемся в гору. Мы быстро находим бетонную дорогу, ведущую в заброшенную военную часть.





Первое, что встречает нас, два оставленных двухэтажных здания, когда-то служивших общежитием и казармой. Мы заходим в дома. Внутри своеобразный колорит заброшенного человеческого жилья: все уже основательно разрушено, содранные доски пола в комнатах, осыпающиеся потолки. Впрочем, как написано в отчете Ивана Вдовина, эти дома находились в послеаварийном состоянии уже в 1996-м году, когда в/ч еще действовала. Единственное, что скрашивало жизнь здесь - потрясающий вид, который открывался прямо из окон на берег реки и село Поной.







Развалины котельной

Я залезаю осмотреться на крышу. Военная часть огромна – десятки квадратных километров. Обойти ее по периметру заняло бы целый день. Абсолютно все заброшено: нет ни единого человека. Когда военные уходили, здесь не оставили никого – даже сторожей, которые хоть как-то могли бы уберечь имущество и оставшуюся технику от разграбления. Вдали виднеются останки радаров, а совсем далеко – огромные антенны радиорелейной станции.

Мы проходим по аэродрому. Это полоса, шириной в сотню метров и длиной километр, застеленная сцепленными друг с другом металлическими пластинами. Трудно даже представить, во сколько обошлось в свое время доставить все это сюда.



Аэродром



Аэродромное здание. На второй этаж уже не подняться – осыпалась лестница





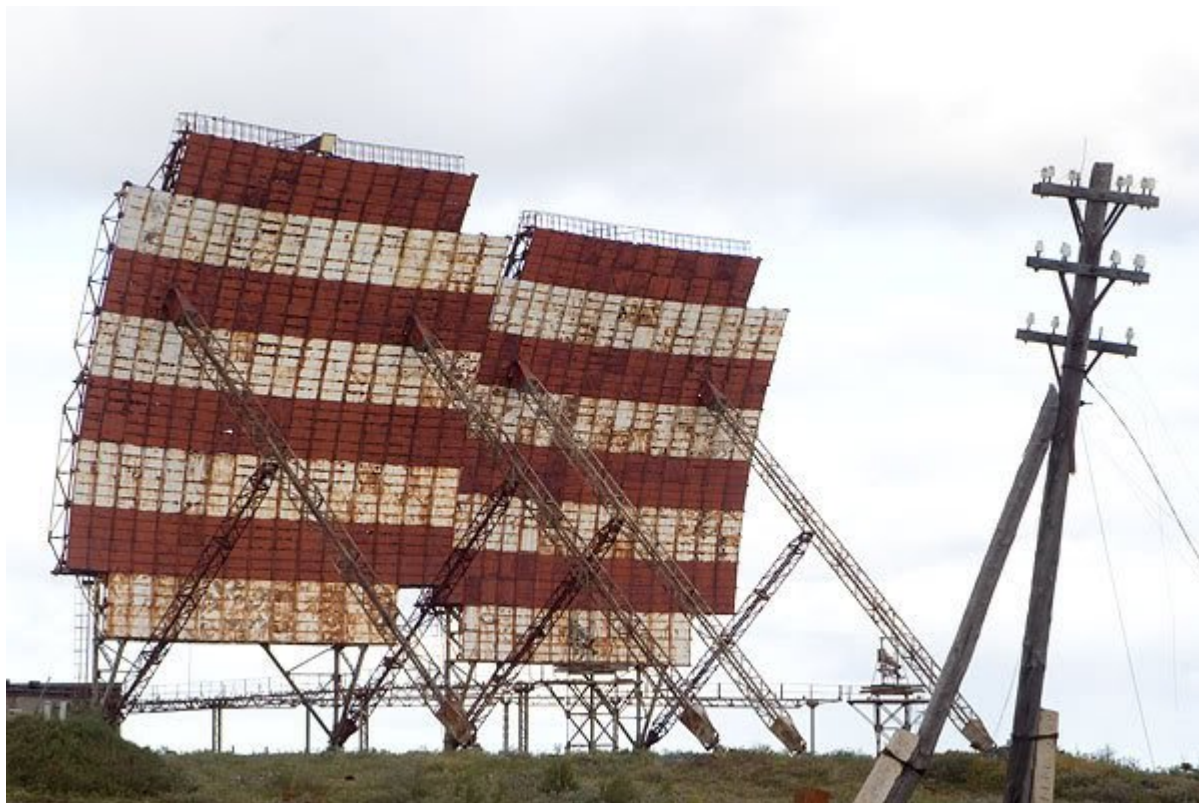




Осмотрев брошенную технику, мы отправляемся к радиорелейной станции. Четыре гигантские, высотой 50 метров прямоугольные антенны построены в самой высокой точке побережья, из-за чего их можно наблюдать на расстоянии до 40 километров от этого места. Местные прозвали эти антенны «лопухами».





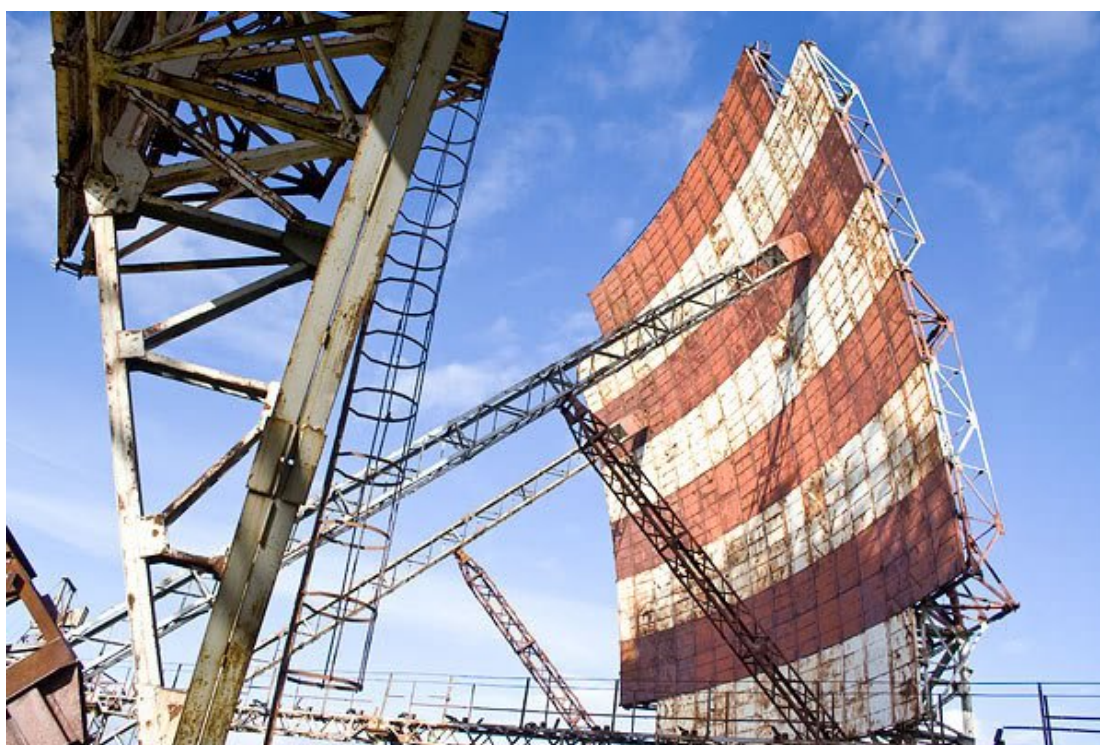


Два ряда цистерн – хранилище топлива, обеспечивавшее радиорелейной станции большой запас автономной работы

Мы заходим в здание аппаратной. Осматриваем генераторную с остатками дизелей, комнату со сложным пневматическим оборудованием, которое использовалось для управления антеннами. Целые залы, заставленные шкапами с электроникой, теперь разграбленной. Когда-то в этих удаленных от цивилизации местах работало множество специалистов – и гражданских, и военных, поддерживавших

технику в работоспособном состоянии. Потом все это неожиданно оказалось никому не нужно.

Выйдя на улицу, мы не можем удержаться от того, чтобы забраться на антенны. Пожалуй, одно из самых острых ощущений, за все путешествие. Тонкие металлические лесенки изрядно проржавели, и по ним, конечно, лучше бы уже не лазить. Карабкаюсь наверх, по качающимся ступенькам, под порывами неистового ветра. Каждый раз, когда я поглядываю на раскинувшуюся под ногами 50-и метровую пропасть, заполненную нагромождением металлической арматуры, к горлу подкатывает ком тошноты.





Наконец, я залезаю на мостик на самой вершине. Наверху ветер такой силы, что я вынужден хвататься обеими руками за металлические перильца. Антенну изрядно сотрясает и покачивает. Сверху раскидывается фантастический вид на десятки километров вокруг. Отсюда уже видно море. С такого расстояния, оно выглядит сморщенным и, почему-то, совершенно застывшим, словно гигантский синеватый кусок льда.

Спустившись на землю, мы одеваем рюкзаки и отправляемся по направлению к Терско-Орловскому маяку.



Теперь сохранившийся лишь частично 18-и километровый трубопровод, проложенный по 200-литровым бочкам, вел к емкостям на побережье, куда дизельное топливо закачивалось со специальных барж

Терско-Орловский маяк



Красивое ущелье на пути к маяку



«Лопухи» – вид издали



Вечером, 31-го числа мы достигаем побережья. Погода спокойная, восходит луна. Я впервые в жизни вижу Белое море. Позже, глядя на него, я убедился, что оно не зря называется Белым. То ли из-за малой глубины, то ли по какой другой причине, оно действительно почти всегда имеет белесый оттенок. Вода по солености напоминает огуречный рассольчик. Даже летом, ее температура, обычно, не поднимается выше 8 градусов, так что, это море, в котором практически невозможно купаться.

Важное замечание: мы понимаем, что не должны были находиться на территории маяка, о чем заблаговременно были предупреждены персоналом. Ответственность за нахождение там лежит исключительно на нас.

На берегу много построек, и мы сначала не можем определить, какие из них принадлежат маяку. В результате, большой крашенный белой краской дом, в который мы заходим, оказывается зданием расположенной по соседству военной части. Часть относится к военно-морскому флоту, но ее обитатели постоянно находятся на берегу. Офицеры и матросы приветливы, ведут нас в столовую, угощают пловом с олениной, оставшимся с ужина. Часть небольшая – пара десятков человек. О том, чем занимаются здесь – умалчивают, говорят, что гостайна. Потом ведут нас в другой дом и знакомят с персоналом маяка.

Маяк обслуживает несколько постоянно живущих при нем людей: Сергей, Слава, их начальник Григорий Павлович, с женой; еще два человека, как нам сказали, в отпуске. У Сергея и Славы дом с общей кухней, двумя спальнями и гостиной, в которой они гостеприимно размещают нас. До маяка от дома несколько шагов.



Мы с Димой в походах едим по принципу Винни-Пуха: к военным зашли – поужинали, на маяк пришли – еще раз поужинали. Тем более, что угощают олениной



Терско-Орловский маяк – самый восточный на Кольском полуострове, имеет давнюю и славную историю. Построен он был в 19-м веке соловецкими монахами. Строительство было завершено в 1843-м году: тогда же на маяке начались первые на полуострове регулярные наблюдения за погодой. Иван Вдовин пишет об этом месте: «В конце прошлого века смотрительницей маяка была Татьяна Ивановна Куковерова. До сих пор жива молва об этой самоотверженной, смелой женщине, совершавшей чудеса героизма при спасении тонущих у мыса Орлов поморов, моряков, оказывающей всевозможную помощь местному населению Терского берега. Лопари звали ее Царицей. Царь Александр II, читая сообщения чиновников о ее подвигах, сказал: «Царицею считаться дерзостно даже среди лопарей, пусть именуется королевой Лопарской».

Для того, чтобы жить и работать на маяке нужно, вероятно, обладать особым складом характера: все-таки, проводить 10 месяцев в году в столь изолированном от внешнего мира месте – не шутка. Преимущество – только довольно высокая по здешним меркам зарплата, которую, к тому же, на маяке не на что тратить: она просто копится на счету. Есть и положенный работникам маяков продуктовый паек – правда, довольно скудный. Прибавку к пропитанию добывают себе охотой – зверья и птицы на Терском берегу по-прежнему много. Сергею не привыкать к тундре – в этих местах он провел большую часть жизни и знает побережье как свои пять пальцев. Это в городе, по его словам, чувствует себя неуютно. Более молодой Слава, вот, собрался увольняться. Жена уже уехала, часть вещей увезли. Самого его должен забрать теплоход, который ждут уже давно, но, как выяснилось, будет он только через две недели. В принципе, дождись мы с Димой этого теплохода, то могли уплыть на нем. Если бы капитан согласился нас взять, нас ожидал бы увлекательный тур по всем маякам побережья, которые служебный теплоход обходит один за другим. Увы, как мы ни любим бродяжничать, нас тоже поджимает время.

Жизнь на Терско-Орловском маяке выгодно отличается от местных поселков тем, что электричество есть круглосуточно. Ночью работает генератор маяка, днем заводят свой военные. По вечерам мы подолгу засиживаемся, болтая на кухне с Сергеем и Славой.



Днем и вечером ходим смотреть маяк. В самом маяке никто не живет, хотя места внутри него немало. О том, какая старая эта постройка говорит необычная кирпичная кладка пола в основании и толщина стен. Внутри массивная винтовая лестница из дерева, с большими круглыми площадками на этажах. Мы осторожно выбираемся через дверцу в колпаке маяка и с маленькой, изрядно обветшавшей площадки смотрим на море.



Внутри маяка





Лампа маяка, как выяснилось, имеет довольно сложное устройство – она окружена системой из стеклянных призм, с линзой посередине. Маяки побережья различаются по конструкции – некоторые имеют неподвижную лампу, светящую через полностью прозрачный колпак. На Терско-Орловском маяке вращающаяся лампа светит через полукруглое окно.



Днем мы отправляемся со Славой на прогулку по побережью. Впервые мы имеем возможность оценить редкостную красоту здешних берегов



Прибрежные рыбацкие избушки: так называемые «тони»

На скамейке перед рыбацкими домиками мы долго сидим и смотрим на море. Я с удивлением вижу, что в заливчике, у прибрежной скалы плещутся утки!

- А я не знал, что утки плавают в море, – замечаю я.
- Это особые утки. Они несъедобные, – говорит Слава, заядлый охотник.





Мы совершаем небольшую прогулку вдоль прибрежных скал. Слава показывает торчащую прямо из камня на берегу аметистовую жилу. Аметист, конечно, не ахти какого качества – довольно бледный, но сам факт интересен.



Небольшой (метров пять в глубину) грот в скале – явно искусственного происхождения. Для чего был сделан – непонятно



Поражает, как много птицы водится на Терском берегу: куропатки, казарки, лебеди. «В лебеде, кстати, 10 килограмм мяса, – замечает Слава. – Но я их не стреляю. Жесткие они, да и жалко».



Лампа маяка ночью



На обратном пути от маяка с нами происходит забавный случай. Когда мы уходили из села, Алик сказал, что его собака увязалась за пришедшими с маяка ребятами и сбежала с ними. Раз уж мы все равно идем на маяк, не могли бы мы собаку вернуть. Естественно, соглашаемся. Так что, теперь обратно идем вчетвером: я, Дима, провожающий нас до Поноя Слава и собака – симпатичный тузик, но, при этом, явно не отличающийся ни умом, ни сообразительностью; да, к тому же, понятное дело, собака сторожевая, а не охотничья.

Мы пересекаем ущелье, поднимаемся на вершину невысокого холма, и застываем в неподвижности. Совсем близко, буквально метрах в ста, прямо на нас идет медведь. Он бредет, низко опустив голову, явно никого не замечая: зрение у медведей неважное, а ветер дует в нашу сторону. Это красивый, молодой, упитанный мишка, черная шерсть лоснится и переливается.

Слава, не веря своей удаче, на мгновение застывает, потом лихорадочно нащупывает приклад ружья и сумку с патронами.

В этот момент, проклятая псина издает фантастический по своей нелепости полулай-полувизг:

– А-а-а..... Воу-воу-воу-у! – и бросается вперед. Медведь задирает голову, словно его хлопнули по плечу: «...А? Что такое?» Секунду смотрит на нас, моргая глазами, затем разворачивается и скрывается в горах.

– Я ее пристрелю! – орет Слава. – ...Я ее натурально сейчас пристрелю! Вместо медведя!

– Не надо! – в один голос отвечаем мы с Димой.

– Какой был медведь! Какой был медведь!.. – причитает Слава.

Попытки преследовать зверя, естественно, ничего не дали. Собака получила немало пинков в это утро.

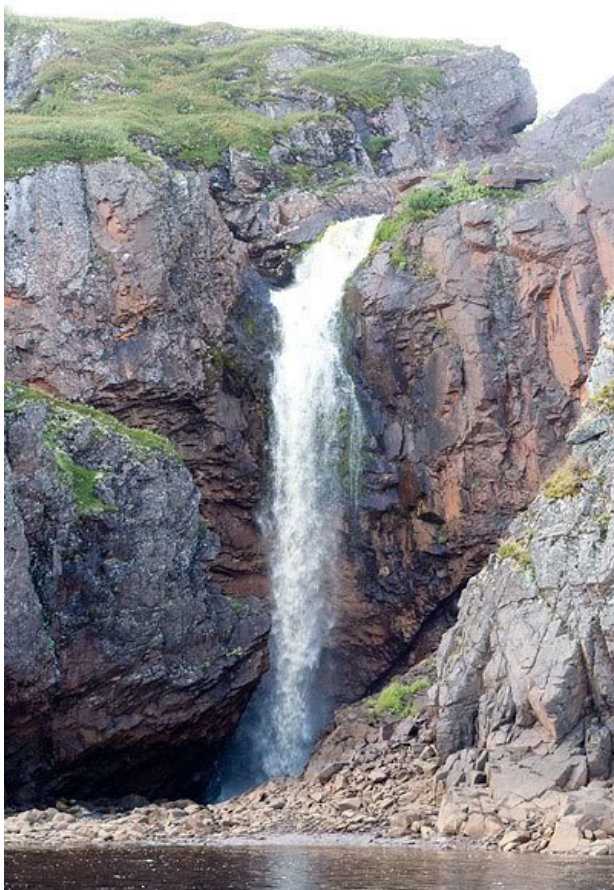


...с другой стороны, медведь остался жив.





Прощаемся со Славой, забираем с камней катамаран и переплываем реку. Глупая собака бегает по берегу, но, заметив, что мы отплыли, с воем бросается следом, и нам приходится вылавливать ее посередине из воды. Возвращаемся в село под вечер и проводим еще одну ночь в «ельцинском» доме. Утром погружаемся на уже изрядно поднадоевший катамаран и проделываем последнюю часть нашего речного пути до поселка Лахта.





Последний и самый высокий водопад по пути

В Лахте расположена фактория – место, где обрабатывали и грузили на лодки семгу, когда рыба в Поное еще добывалась сетями в промысловых количествах. Те времена давно прошли. Теперь в Лахте живет один единственный человек: Лариса Павловна Сакса. Приезжая сюда на несколько месяцев, с весны до осени, пожилая женщина имеет возможность наблюдать, как ветер, дождь и приливные волны постепенно разрушают и смывают в Поной пристань и фабрику: место, в котором она проработала полжизни. В прошлом году унесло туалет – теперь, вот, нету туалета. Хорошо, что крепкий, добротно построенный дом еще, видимо, простоят долго. Да и пограничники с противоположного берега иногда навещают, подсобляют, чем могут.

Я соскакиваю с катамарана. Трудно поверить, но путь, длиною в месяц, позади. Теперь – снимать и сушить баллоны, грузить в рюкзаки... В районе поселка Лахта устье Поной достигает своей максимальной ширины: более одного километра. На противоположном берегу отлично видно длинное белое здание пограничной части. Поскольку до моря рукой подать, в отлив уровень воды падает метра на три, обнажая широкую полосу перемешанного с глиной песка, в котором мы с Димой чуть не увязаем по уши.



Баллоны от катамарана мы уже отвязали, но палуба все еще валяется на песке.

– Вытащили бы, – говорит Лариса Павловна. – Унесет же! А так, мне на доски пойдет.

К тому моменту, когда я снова добираюсь до катамарана, вода мне уже по колено: так быстро прибывает прилив.





Старые шлюпки на берегу



Здание фабрики



Лариса Павловна, по совместительству, исполняет обязанности пограничного дружинника. В комнате у нее стоит передатчик, и днем, выйдя на связь, она сообщает о нашем прибытии.

– Вам-то беспокоиться не о чем, пограничную зону сняли, – говорит она.

– Как сняли?! – не верим мы.

– Да вот, в июне этого года и сняли. Так что, они у вас, максимум, документы проверят.

У нас сразу отлегает от сердца. Пугали нас пугали этой пограничной частью, я, даже, плыть сюда не хотел - и вот оно как оказалось, в итоге. Днем, пока мы пьем чай, приезжают на лодке двое молодых парней: Анатолий и Виктор. Они-то и сообщают нам, что через четыре дня мимо мыса Корабельный пройдет теплоход «Клавдия Еланская», с которого должен будет сойти возвращающийся из отпуска служащий заставы. Мы просим помочь нам сесть на теплоход, и они соглашаются! Снова невероятная удача. Теперь не придется топать до Сосновки с тяжелыми рюкзаками.

Оставшиеся два дня мы решаем посвятить короткой экскурсии по Терскому берегу моря.



День 62-й, 5 сентября, среда Терский берег

Утром, оставив большую часть вещей в Лахте, отправляемся на вылазку по побережью.



Осенью на Терском берегу собираются большие стаи казарок – иногда насчитывающие несколько тысяч птиц. Забавная деталь: казарки едят обильно произрастающую в береговой тундре ягоду шикшу, отчего их помет делается ярко-фиолетовым. Все прибрежные скалы буквально испещрены фиолетовыми пятнами

Погода прекрасная, чего трудно ожидать осенью, однако, нам с Димой везет: на побережье стоит короткое северное бабье лето. Довольно тепло, дождя нет. Идти было бы совсем легко, если б не произрастающие то здесь то там у самого берега густые рощицы низкорослой березки. При попытке обойти их, нередко упираешься в широкий ручей или овраг с крутыми склонами.





Слева – бескрайнее море со скалистым изрезанным побережьем, справа – безграничные просторы тундры. Красота здешних берегов необычайна

Первыми на нашем пути попадают рыбацкие тони на мысе Красном. Мы спускаемся по склону. Дверь не заперта. Внутри все прибрано. Две комнаты: одна – кухня, со столом, полками, газовой плитой; вторая – с буржуйкой, двухярусными лежанками, столиком и маленьким окошком, с видом на море. Но рыбаков уже нет – выловили свою квоту и ушли до следующего года.



Тони на мысе Красном



Своеобразный внутренний интерьер. Надпись «1934 г.» – скорее всего, настоящая. Мореное, просоленное дерево гниет медленно, и многим из этих домиков по сто лет.



Туалет, привязанный веревкой на краю отвесного склона, высотой, так, метров десять. Ходить туда очень волнующе, – все время думаешь: «А вдруг сейчас упадет?»»

Уже ближе к вечеру мы добираемся до рыбацкой «избы Кузьмина». Здесь мы встречаем обитателей. Трое рыбаков: Ваня, Саша и кто-то третий, который не на-

звался, валяются на лежанках. При нашем появлении, неохотно встают. Ощущение такое, что все с сильного похмелья и не рады нам. Разговор не поддерживают, даже чаю не предлагают, – что для здешних мест довольно странно. Посидели мы с Димой, посмотрели, и решили идти дальше – хоть солнце уже клонилось к закату.



Вот она – серебристая океанская семга. Уже потрошенная и засоленная

До избы на губе Кислóха мы добраемся с трудом, уже почти в полной темноте. Тайнственно шумит ночное море. Дом стоит темный. К нам выбегает симпатичная, похожая на медвежонка, лохматая собака.

- Ути-пуси, собачка!.. – тянусь я к ней.
- Ви-и-и! – взвизгивает та и скрывается в ночи.
- Да-а, хорошо сторожит, ничего не скажешь, – бормочет Дима.

Мы открываем дверь и заходим в дом. Все выглядит несколько нереально. Печка натоплена. На плите стоит большая кастрюля с горячим супом из куропатки. Только все люди словно испарились.

Идти нам куда-то уже поздно. Темнота кромешная. Палатки нет. Мы некоторое время раздумываем, как отреагируют хозяева, если мы, в их отсутствие, переночуем здесь. В конце концов, делать нечего, решаем остаться. Ну, и раз уж мы остались, съедаем по тарелке супа. Потом ложимся спать.

– Я, честно говоря, думаю, что здесь живут медведи. Завтра они придут и спросят: «Кто спал в моей кровати?! Кто ел мой суп?!»

Однако, в избушке живут, конечно, не медведи. Утром дверь открывается, и приходят двое парней: рыбак Леня и его знакомый Виталик. Весьма удивляются, обнаружив нас. Ни малейших признаков раздражения. Нам, похоже, даже рады.

- Мы поели вашего супа.
- Да конечно, пожалуйста!

Мы долго сидим, болтая. В окошко видно кружащих над морем чаек и пенистые гребни волн, которые ветер бросает на прибрежные скалы.

- Надеюсь, мы вас не напрягли.
- Тут, в этих местах, раньше все так и жили. Заходишь к приятелю, ешь из его холодильника. Потом приходит он, присоединяется к тебе. Двери отродясь никто не запирает.

Леня всю жизнь живет на Кольском. Сменил немало профессий. Работал в рыболовном лагере. Потом открыл где-то в районе Ловозера собственную турбазу. Увы, в один далеко не прекрасный день турбаза сгорела дотла, и на этом его бизнес закончился. Теперь, вот, работает рыбаком. В принципе, в сентябре уже давно пора было ехать домой, но рыба в этом году ловится неважно, и он никак не может добыть квоту.



Как известно, почти вся семга, которую мы покупаем в магазинах – норвежская. Квоты вылова в Белом море очень маленькие. 400, максимум, 800 килограммов. Учитывая, что одна рыбина весит 8-10 килограммов, это совсем немного. На практике, все ловят, конечно, больше, и трудно за это осуждать рыбаков, учитывая, что над зарплатами в совхозе смеется даже семга. Но это уже бесконечная игра в «Тома и Джерри» с рыбинспекцией – выловленную сверх квоты рыбу рассовывают по тайникам, потом сбывают на проходящие по морю теплоходы, где ее покупают охотно.

Днем Леня предлагает нам сплавать на лодке, проверить сети. Мы, естественно, соглашаемся.

Заводится мотор, мы отплываем метров на двести в море, где на воде покачиваются удерживающие сеть буйки. Дима снимает процесс ловли, я помогаю Леониду перебирать сеть. Пару раз, по неопытности, упускаю, и сеть приходится подтягивать к себе снова. Дует прохладный ветерок, соленая вода брызжет в лицо, трепещет пойманная рыба. Вылавливаем три семги: две больших и одну маленькую. Леня быстро и невероятно ловко потрошит их на берегу.







УЛОВ





Леонид за процессом засола рыбы. Рыбу солят только крупной кристаллической, не йодированной солью. Мелкую соль местные считают для засола рыбы непригодной.

– Ну, вот! – говорит Леня, управившись с работой. – Одну рыбу подарим Диме, а одну Леше.

– Да что вы, не стоит...

– Берите-берите!

Как мы не отнекивались, две огромных рыбины были нам вручены. Так что, по приезду, я угощал семью вкусной семгой. Спасибо тебе, Леня!

Маленькую рыбину Виталя тут же зажаривает на сковородке и мы с аппетитом обедаем.

Но, пора уже отправляться в обратный путь. Тепло прощаемся, взваливаем на спины изрядно потяжелевшие от рыбы рюкзаки. Когда мы добираемся до мыса Красный, погода портится. Поднимается сильный ветер. Мы решаем заночевать в пустой избе. Остановившись на краю утеса, я гляжу на стоящий далеко внизу маленький рыбацкий домик, разбивающиеся о скалы белые волны и кружащую над морем стаю гусей. Ветер пронзительно свистит в ушах, первые капли дождя ударяют мне в лицо, но я задерживаюсь на несколько секунд, ибо такие виды, как здесь, выпадают нечасто.



Мы возвращаемся в Лахту 7-го сентября, еле успеваем собрать вещи и свернуть баллоны от катамарана, как пограничники Анатолий и Виктор приплывают снова.

– «Еланская» скоро придет. Быстрей, быстрей, отлив начинается! – поторапливают они.

Мы грузимся так быстро, как только можем, но, все же, по пути лодка несколько раз задевает мотором камни.



Восстановленный в части старый «ЗИЛ»

На противоположном берегу нас встречает начальник части Александр. Переписывает данные паспортов, потом ведет в столовую обедать. В столовой нас угощают жареной семгой. Вообще, часть производит изнутри очень благоприятное впечатление, напоминая, скорее, какой-то офис. Полная противоположность обычной казенной армейской обстановке. «Мы все отремонтировали на свои деньги», – говорит Александр. Часть, вообще говоря, необычная. Все ФСБ-шники, а самое интересное, нет рядовых солдат. Вернее, рядовые есть, но они прибывают лишь на короткий срок для сезонных работ. Все, включая Александра – молодые ребята. Постоянные служащие имеют звание не ниже прапорщика. Многие все время живут в части вместе с женами. Зарплаты неплохие. Хвалят за это Путина.

Мы целый день смотрим фильмы с ноутбука в комнате у прапорщика Виктора и ждем теплоход. Но он не приходит. Мы с Димой уже начинаем волноваться. Ночью идем в баню и напиваемся в дым с пограничниками водки.

Утром я встаю с головной болью, и тут теплоход, все-таки, приходит. Причем, выясняется, что пограничника, который должен был приехать, на нем нет – не смог вовремя прилететь в Мурманск из-за задержавшегося самолета. Мы с Димой толчемся у поста технического наблюдения, с тревогой слушая радиопереговоры. «Остановитесь двоих взять?» – спрашивает Александр. – «Конечно», – отвечает капитан.

Торопливо грузимся в лодку.

Вчера море было спокойным, но ночью задул крепкий ветерок и теперь мы все-таки опасаемся, что нам не удастся сесть на борт.

– Фигня, и не в такой ветер садились! – перекрикивает Виктор надсадный рев старого мотора.

Когда мы выходим из устья, поднимается волна, высотой в человеческий рост. Мне реально как-то не по себе. «...б твою мать!» – только и произносят пограничники, когда очередной пенный гребень захлестывает нос лодки.

Подплываем к «Еланской». Качка жуткая, но капитан развернулся так, что борт теплохода защищает нас от волн. Спускают трап. Залезть на него с отчаянно качающейся лодки с сорокакилограммовым рюкзаком – непростой акробатический трюк, но, каким-то образом, это мне удается.



«Клавдия Еланская» с раскачивающейся лодки

Всё, погрузились.

Изнутри «Клавдия Еланская» производит довольно роскошное впечатление. Так я еще не плавал. Мы с Димой расположились вдвоем в каюте на четверых, имея в своем распоряжении туалет и душик. В коридорах красные ковры. Особенно на этом фоне колоритно смотрюсь я, в походной одежде, с закопченным котелком в руке, бредущий на другую палубу набрать кипяточку.



Днем волнение еще более усиливается. Я немного страдаю от качки.



Ночью выходим посмотреть на посадку в ЧапOME. «Это настоящее шоу, – говорят нам, – они там, вечно, половина бухие садятся». В этот раз, правда, все протекает довольно пристойно. Разве что, какой-то опоздавший мужик приплывает, торопливо загребая веслами, и его подбирают в последний момент.



Плиту с грохотом уронили, пока поднимали по трапу

Всякое длинное путешествие всегда кончается неожиданно. Вот, только что, ты еще путешествовал, и уже плывешь на корабле или едешь на поезде, и понимаешь, что скоро вернешься домой.



Утром, 10-го сентября мы прибываем в Мурманск. Дима умудрился спрятать два кило соленой рыбы на теплоходе под лесенку «чтоб не протухла». Когда он хватил-ся ее на следующий день, естественно, обнаружил, что рыбу сперли. Он немного переживает по этому поводу.

Мы слоняемся по городу, заходим в краеведческий музей.



В краеведческом музее



СПАИВАНИЕ КУПЦАМИ ЛОПАРЕЙ. · С РЕПРОДУКЦИИ ·





Местами, в Мурманске, прямо посреди улицы, можно наблюдать выступающие скалы



Вечером мы садимся в поезд, и 12-го сентября я прибываю в Москву. Первые несколько дней занимаюсь тем, что отлеживаюсь и ем. За время похода я похудел на 13 килограмм.

Я хочу поблагодарить всех, кто оказывал нам во время путешествия помощь и поддержку. Друзья! Даже то, что, может быть, вам кажется, само собой разумеется, для людей, подолгу путешествующих вдали от дома, поистине неоценимо. Огромное спасибо буровикам Ивану, Алику, повару Андрею и другим ребятам из геолого-разведочного лагеря, связисту Андрею, группе велосипедистов из Волгограда и Мурманска, вездеходчику Максиму, Мише и Вике из Краснощелья, бабушке Любе из Ивановки, персоналу рыболовного лагеря Пача, Татьяне и Николаю из Каневки, менеджеру Николаю и повару Павлу из лагеря Бревенный, сторожу Алику в селе Поной, смотрителям Терско-Орловского маяка Сергею и Славе, Ларисе Павловне из Лахты, рыбаку Леониду, начальнику части Александру, пограничникам Виктору и Анатолию.